

Драма в Гриффин-холле, или Отравленный уикенд

Автор:

[Шарлотта Брандиш](#)

Драма в Гриффин-холле, или Отравленный уикенд

Шарлотта Брандиш

Восточная Англия, Саффолк, 1934 год. В маленькой деревушке происходит экстраординарное событие – убийство. И где?! В добропорядочном Гриффин-холле.

Сюда по приглашению хозяина, пожилого и весьма достойного джентльмена, съезжаются родственники на уикенд, но долгожданную встречу омрачает преступление. Отыскать убийцу и распутать хитросплетения семейной драмы предстоит энергичному инспектору местной полиции Джастину Оливеру и его помощнику, сержанту Киркби. Однако с каждой новой уликой дело запутывается ещё больше.

Параллельно своё расследование ведут и близнецы Адамсон, брат и сестра, которые хотят выяснить правду и защитить тех, кто им дорог, что вызывает недовольство детектива и кажется ему крайне подозрительным.

Кто раскроет дело первым? И кто из гостей хладнокровный убийца?

Шарлотта Брандиш

Драма в Гриффин-холле, или Отравленный уикенд

Часть первая

Глава первая, в которой Грейс Хоггарт получает письмо

Без четверти семь утра Грейс Хоггарт, молодая женщина с усталым лицом и тусклыми каштановыми волосами, собранными в небрежный узел, внимательно посмотрела на своего мужа. Она ожидала ответа на заданный ею вопрос, но тот отвечать не торопился. Может быть, и правда не расслышал, погрузившись в свои мысли о предстоящем ланче с одним из инвесторов, а может, не знал, какой вариант ответа выбрать, чтобы избежать очередной ссоры.

– Ну и что же? – потеряла она терпение. – Ты сегодня опять допоздна?

– Передай мне, будь добра, серый галстук, – вместо ответа попросил Майкл, не глядя на жену.

Грейс несколько резким движением протянула шёлковый галстук с жемчужным отливом, вопросительно заглядывая мужу в лицо и ненавидя себя за это.

– Я всего лишь хочу знать, когда ты соизволишь вернуться домой, Майкл, – перешла она в наступление, не в силах сдержаться. – Разве я так уж многого требую? Мне нелегко в одиночку управляться с Полли, особенно сейчас, когда у неё режутся первые зубки. Я всё время чувствую себя усталой. Няня приходит только на пару часов в день, я элементарно не успеваю восстановить силы. Разве ты не понимаешь, что нужен мне?!

Голос жены дрожал от плаксивого раздражения, и Майкл недовольно вздохнул. Лоб его покрылся тонкой сетью морщинок, какая бывает у всех любителей проводить много времени на солнце.

– Грейси, душка, ну мы ведь уже тысячу раз об этом говорили. У меня есть работа и обязательства перед фирмой. Я не могу засесть дома, как ты, и предаваться уютным домашним занятиям. У каждого из нас свои задачи. Ты занимаешься хозяйством и Полли, я зарабатываю деньги. А они, знаешь ли, не из воздуха берутся. Если я не оправдаю ожиданий руководства, нам придётся туго,

и вряд ли дедуля Крэббс даст нам хоть пенни. В конце концов, у всех женщин рождаются дети, и они как-то с ними справляются. Это нормальный ход вещей, а не какое-то особенное событие. Не глупи, Грейси, и не будь такой буквой, – закончил он почти весело, обрадованный, что сумел, как ему показалось, отыскать верный тон в разговоре с женой.

От его слов у неё перехватило дыхание. Майкл говорил с ней, как с неразумным ребёнком, и Грейс снова ощутила подступающий к горлу ком обиды.

Ей захотелось схватить его за руку, заставить посмотреть на себя, прокричать прямо в лицо: «Нормальный ход вещей?! Не какое-то особенное событие? Да что ты знаешь об этом, чтобы такое говорить?! Это я пожертвовала своим телом, чтобы Полли пришла в этот мир! Это я вместе с ней боролась за её первый вдох! Отдала часть себя для того, чтобы у нас была дочь!»

Грейс сглотнула, чтобы слюна прокатилась по мгновенно пересохшему горлу, но, уже разомкнув губы, нашла в себе силы промолчать.

– И всё же, когда ты вернёшься? – спросила она как можно спокойнее, маскируя своё взбудораженное состояние отстранённым видом.

Майкл издал длинный вздох мученика и, уже не пытаясь казаться дружелюбным, пробурчал:

– Вернусь, как только покончу с делами. Ужином можешь не заниматься, я поем в клубе. У меня там встреча с Саймоном Бейли. Так что рано не жди.

Чувствуя в душе неуголимую бурю, Грейс сочла за лучшее покинуть комнату. Она направилась вниз, в крохотную кухню, у которой было только одно достоинство – широкое окно, выходящее в небольшой и не слишком ухоженный сад, – чтобы заварить себе чашку чая, и услышала, как Полли проснулась. Её требовательный крик, с каким она всегда возвещала миру о пробуждении, и который вызывал у Грейс гордость за жизнестойкость дочери – уже в первые часы своей жизни вынужденной бороться за то, что другие получали даром, вынужденной сражаться за право обрести свою историю, – сейчас показался одним из способов давления на неё.

Ей снова пришли на ум слова Майкла и его снисходительный тон, и изнутри обожгло жаркой злобой. Чувство было таким сильным, что Грейс испугалась: а не помутилась ли она рассудком? Вдруг во время рождения Полли с нею что-то произошло? Та ночь была поистине ужасной, и вполне вероятно, что она не прошла бесследно ни для её измученного тела, ни для её разума. Объясняет ли это то, почему она стала такой подозрительной и при этом вечно уставшей, озлобленной, плаксивой и ненавидящей саму себя?

Неудивительно, что Майкл разговаривает с ней немногим более серьёзно, чем с надоедливym ребёнком. В его глазах она теперь совсем не та девушка, на которой он женился всего два года назад. Подумав так, Грейс вдруг с ясностью осознала, что и он теперь вовсе не похож на того заботливого и внимательного мужчину, за которого она выходила замуж и с которым собиралась прожить всю свою жизнь.

Хлопнула входная дверь. Медленно поднимаясь в детскую, где проснувшаяся малышка проверяла свои лёгкие на прочность, Грейс поймала себя на мысли, что испытывает к Майклу смутную неприязнь. Такое чувство обычно посещает ослабевшего от изнурительной болезни человека, которому наносит визит преступно жизнерадостный приятель, вовсе не скрывающий намерения наслаждаться жизнью и всеми её дарами сразу же после того, как покинет больничную палату.

Взвинченное состояние Грейс повлияло и на малышку Полли. Она долго не могла успокоиться и буквально измучила мать, отказываясь от бутылочки с разведённой смесью и надрываясь от крика. Бессловесная ярость дочери как будто питала свежее испечённую враждебность Грейс к мужу, так легкомысленно отнёсшемуся к её жалобам и нуждам, и вскоре молодая женщина пришла в совершенно иступлённое состояние.

Шагая по комнате, она вела воображаемый диалог с Майклом, высказывая ему все свои соображения по поводу вечерних отлучек и бесконечных партий в гольф по выходным якобы с партнёрами фирмы. Грейс в овладевшей ею лихорадке отчаяния уже не замечала, что не укачивает ребёнка, а резко встряхивает, отчего малышка надрывно заходится в неистовом плаче.

Так своевременно раздавшийся звонок заставил молодую мать вздрогнуть и остановиться. Словно очнувшись от тягостного сна, она посмотрела на Полли и ужаснулась её виду.

Вся красная, с бледным треугольником возле крошечного алого рта, девочка сжимала и разжимала кулачки, изгибая напряжённое тельце так сильно, как будто желала во что бы то ни стало покинуть объятия матери. Малышка уже не кричала, она лишь издавала протяжные хнычущие звуки, похожие на жалобный плач небольшого зверька.

Сердце Грейс сжалось от раскаяния. Вернув Полли в кроватку, она опрометью кинулась к входной двери и распахнула её.

– Доброе утро, миссис Хоггарт, – профессиональная няня из агентства Хартфилда ничем не выдала своего удивления из-за неряшливого внешнего вида нанимательницы.

– Боже мой, как же я вам рада, мисс Бэбкок, – чуть не плача выкрикнула Грейс, суетливо поправляя воротничок блузки. – Полли сегодня неважно себя чувствует, и я с ног сбилась, пытаюсь её накормить. Просто ума не приложу, что я делаю не так. Как думаете, может, ей требуется осмотр доктора?

Пока невозмутимая мисс Бэбкок снимала пальто и несколько щеголеватую для женщины её возраста шляпку, она успела не только успокоить взвинченную утренними событиями Грейс, но и получить всю необходимую информацию о состоянии своей подопечной. Профессионализм няни успокаивал и внушал надежду на то, что всё как-нибудь наладится, а трудности не иначе как временные и вполне преодолимые. Именно поэтому мисс Бэбкок в агентстве Хартфилда считалась самой квалифицированной няней и не стеснялась брать плату по двойному тарифу.

Гораздо более спокойная, чем полчаса назад, Грейс, умывшись холодной водой и оставив Полли на попечение няни, отправилась в кухню, чтобы приготовить себе чашку крепкого и сладкого чая. Незадавшееся с самого начала утро заиграло новыми красками, как только струя кипятка закрутила чайники в бурном водовороте. Ощущая, как туго скрученная пружина, таившаяся где-то глубоко внутри, медленно распрямляется, Грейс с блаженным вздохом опустилась в низкое кресло и подложила под спину вышитую гладью подушку. Такие подушки в избытке получали все члены семьи от тётушки Розмари, для которой не составляло никакого труда изобразить на бархате или шёлке хоть пастораль в духе Ватто, хоть лондонский Биг-Бен, поразительно напоминающий оригинал. Майкл всегда пренебрежительно закатывал глаза, когда распаковывал

очередной шедевр, присланный к празднику, а Грейс эти вещицы казались милым пережитком, осколком довоенной эпохи, ушедшей вместе с Титаником на дно времён.

Только сейчас она заметила, что на серебряном подносе для корреспонденции, задвинутом в самый угол стопки начищенных противней, лежит жёлтый конверт. Миссис Кэррингтон, приходящая прислуга, помогающая Грейс трижды в неделю, по какой-то неизвестной причине никогда не отдавала письма и телеграммы непосредственно в руки, а всегда складировала их на поднос, который помещала в самые неожиданные места. Привычка эта была настолько же неискоренима, насколько и загадочна.

Острое предчувствие скорых перемен заставило Грейс прерывисто вздохнуть. Сама не понимая почему, она долго не решалась вскрыть конверт, хоть и узнала небрежный рваный почерк с сильным наклоном влево. «Mrs. Грейс Хоггарт, коттедж «Семь вьюнков», Лексден-энд-Уинстри, Эссекс» было написано на нём голубоватыми чернилами. Майкл в качестве адресата не упоминался вовсе.

Глава вторая, в которой Розмари Сатклифф с большим воодушевлением относится к получению письма в жёлтом конверте и с куда меньшей радостью встречает старинную знакомую

– Боже мой, как это не вовремя! – с досадой воскликнула Розмари Сатклифф, пожилая аккуратная леди с печальными складками у рта, растерянно вглядываясь внутрь непрозрачной стеклянной банки.

На донце виднелась невразумительная толика коричневого порошка. Было совершенно ясно, что его не хватит даже на одну порцию горячего шоколада. «Надо же было этому случиться именно сейчас, когда в гостиной сидит эта противная Мэдди Эндрюс», – протестующе подумала Розмари, поджав тонкие выцветшие губы.

Мэделин Эндрюс, проведя вместе с мужем, военным атташе, множество лет в Бенгалии, недавно овдовела и вернулась в Англию. С достойным лучшим применением пылом она принялась восстанавливать светские связи, не пренебрегая даже товарками по пансиону, которых не видела без малого

тридцать пять лет. Общительность визитёрши не знала границ, и сразу же после обмена приветствиями и натужными банальностями она умудрилась ввести Розмари Сатклифф в курс всех главных событий своей насыщенной жизни.

Чувствуя, что ей требуется передышка, та отправилась на кухню приготовить им обоим горячий шоколад, – и вот надо же, какая неприятность! Мэдди и так уже успела обшарить своими не в меру любопытными тускло-серыми глазками всю обстановку скромного коттеджа, подметив и искусно починенные занавеси на окнах, и потрёпанный ковёр, и вытершуюся на подлокотниках обивку кресел. Взгляд, которым она окинула затем подругу, говорил о том, что Мэдди Эндрюс уже мысленно прикидывает, в каких выражениях будет описывать бедственное положение приятельницы общим знакомым.

«Черти тебя принесли на мою голову, – злобно подумала Розмари, сама поразившись такому несвойственному для себя выражению. – И зачем я только ответила на твоё письмо. Надо было использовать его для растопки камина!»

Чайник закипел, а проблема так и не решилась. Можно было, конечно, распечатать последнюю упаковку приличного дарджилинга, который хранился в самой глубине кладовой, чтобы не ударить в грязь лицом перед этой Эндрюс, но Розмари отчаянно жалела остатки драгоценного запаса.

В конце концов, после длительных колебаний ей пришлось пойти на это. Право, невозможно ведь подать на стол простой кипяток! Хватает и того, что чай ей приходится готовить и подавать самой.

Выложив на щербатое фарфоровое блюдце строго два кусочка подсохшего кекса с цукатами, Розмари понесла в гостиную безупречно начищенный поднос.

– Дорогая Мэделин, надо же, какая я стала рассеянная! Совершенно позабыла пополнить запасы шоколада. Поэтому я заварила нам отличный крепкий дарджилинг. То, что нужно в такой прохладный осенний день! – безудержно оптимистичным тоном сообщила она.

Принимая от хозяйки чашку с истончившимися краешками, гостья благодарно улыбнулась и постаралась незаметно принюхаться к её содержимому. От тёмной непрозрачной жидкости исходил явственный запах копчёной рыбы.

После секундного замешательства Мэделин Эндрюс вновь обрушила на Розмари поток своего красноречия. Воспоминания о пансионе, юмористические зарисовки путешествий по Индии, пикантные подробности биографий немногочисленных общих знакомых – все эти сведения гостя преподносила с обезоруживающей категоричностью.

Уже через полчаса её надтреснутый голос стал Розмари ненавистен. Не в силах вникать в слова собеседницы, она смотрела на её без усталости шевелящиеся бледные губы, путешествовала взглядом по пышному кружевному воротнику блузы, разглядывала редкие, подозрительно тёмные по контрасту со светлыми ресницами брови, а сама мысленно умоляла: «Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она ушла! Я ни о чём тебя не попрошу до самого Рождества, честное слово, только пусть она уйдёт!»

Внезапно Мэделин Эндрюс поставила чашку с нетронутым чаем на столик и с сожалением покачала головой:

– Да, Розмари, как подумаешь, сколько воды утекло... Целая жизнь прошла, а мы и не заметили, – глаза госты заблестели.

Розмари Сатклифф затаила дыхание и даже приготовилась изобразить бодрую улыбку, чтобы попрощаться со старинной приятельницей, как того требовали приличия. Однако Мэделин Эндрюс вовсе не исчерпала запас любопытных, на её взгляд, историй.

Завершив поистине неистощимую тему перипетий, выпавших на долю собственной семьи, Мэделин Эндрюс перешла к рассказу о своём путешествии. Описывая весьма разношёрстное общество, в котором она оказалась, гостя долго терроризировала Розмари ненужными деталями и сумбурными отступлениями. Под конец она присовокупила к этой теме воспоминания о Великой войне, которая отняла у неё двоих старших сыновей.

– Да, дорогая, потери, которые мы все понесли, невосполнимы. Нам остаётся лишь благодарно хранить в сердцах память о тех, кто отдал жизнь за спасение своей страны. И Ричард, и Келвин показали себя храбрыми воинами, несмотря на юность. И твой племянник Генри, о котором ты писала мне в 1918, удостоился посмертной награды. Совсем ещё мальчишки... – покачав головой, она тяжело вздохнула и умолкла, не в силах продолжать.

Перед мысленным взором Мэделин Эндрюс стояли её сыновья, такие, какими она запомнила их в последний день, перед отправкой на позиции. Это воспоминание стёрло с её лица властность и надменность, вернуло чертам былую мягкость. Розмари тоже на мгновение дала себя увлечь фантомам прошлого, вот только среди них не было места племяннику. Ей вспомнился совсем другой человек, которого, казалось, её память похоронила под грузом прошедших лет. «О, Аллан!» – это имя привычно отозвалось болью, и Розмари тут же вновь рассердилась на старую подругу, походя разбередившую сердечные раны.

Мэделин Эндрюс, справившись с минутной слабостью, бесстрашно сделала глоток давно остывшего чая, подёрнутого мутной плёнкой.

– Не забывать их подвиг – вот то единственное, что мы можем сделать для них теперь, – провозгласила она и воинственно поджала губы. – И помнить подвиг тех, кто исполнял свой долг в тылу. А таких верных сынов своей страны было немало. И уж совершенно недопустимо порочить честные имена тех, кто по здоровью или в силу возраста не мог воевать на передовой и занимался снабжением армии.

Гостья, забывшись, отщипнула кусочек кекса, который ранее сочла подозрительным и непригодным в пищу, и положила в рот. После этого ей пришлось сделать ещё один глоток остывшего чая.

– Именно так я и сказала этому невоспитанному молодчику, который принялся нести чушь про махинации с поставками во время войны и тому подобный бред. «Вы лжёте самым постыдным образом, молодой человек! Ни один истинный британец не способен обкрадывать свою страну, свою армию. Да ещё в такое тяжкое для всех время!» – сказала я ему прямо в лицо, и меня поддержали все присутствующие (а я сидела за одним столом с помощником капитана). Подумай только, Розмари, кем надо быть, чтобы утверждать такой вздор! Мне стыдно за нынешнее поколение. Я специально запомнила имя этого грубияна, чтобы рассказывать всем знакомым о его недостойном поведении. Саймон Бейли – вот как его звали. Такой лощёный, в щегольском костюме, но выглядит как коммивояжёр. В прежние времена его бы не приняли ни в одном приличном доме. Хорошо, что этот вздор не слышал бедный Уильям. Он так ревностно относился к подобным вещам, – и Мэделин Эндрюс, к отчаянной радости хозяйки, принялась свирепо натягивать горчичные, под цвет шляпки, лайковые перчатки.

От облегчения, что надоедливая гостья, наконец, уходит, Розмари с жаром поддержала её:

– Как ты права, милая Мэдди! Эти юнцы такие невоспитанные. После войны люди стали совсем, совсем другими. Порой мне кажется, что Британия никогда не станет прежней.

Мэделин Эндрюс, удивлённая неуместным энтузиазмом в голосе Розмари, пристально посмотрела на неё. Встреча, которую она планировала как радостное воссоединение старинных подруг, вызвала лишь печальную ностальгию. Обе они постарели, поблёкли, да и общих тем у них было немного. «Но я всё же не так раскисла, как несчастная Розмари, – самодовольно подумала Мэделин в свойственной ей категоричной манере. – В общем-то, она всегда была недотёпой. Просто с годами её очарование ушло, а беспомощность и слабохарактерность остались».

Не преминув ехидно поблагодарить за угощение, гостья после долгих прощаний и уговоров нанести ей ответный визит откланялась. Розмари, закрыв за Мэделин Эндрюс дверь своего необычайно скромного коттеджа с одной спальней, пару минут обессиленно стояла, вцепившись в дверную ручку, будто опасалась, что та вернётся и приготовилась во что бы то ни стало не позволить ей войти.

Шумно выдохнув, пожилая леди, шаркая растоптанными домашними туфлями, вернулась в крошечную гостиную и убрала остатки скромного чаепития. Поправляя диванные подушки, возвращая каждую на её законное место, Розмари скрупулёзно восстанавливала неприкосновенность своего жилища и собственный душевный покой, нарушенный шумной и назойливой гостьей. Казалось удивительным, что, несмотря на прошедшие годы, задавака Мэдди почти не изменилась. Разве что погрузнела и обзавелась морщинами и желтоватым цветом лица, что так часто встречается у тех, кто отличается жёлчным нравом и употребляет в пищу острые блюда колониальной кухни.

Устранив все следы пребывания постороннего человека в её уютном потрёпанном гнездышке, наполненном вышитыми подушками и картинами, засушенными букетами под пыльными стеклянными колпаками, альбомами и мягкими куклами в викторианских нарядах и с фарфоровыми наивными личиками, Розмари с удовлетворённым вздохом уютно устроилась в кресле и приготовилась разобрать почту.

Это занятие не сулило ей ничего приятного, так как почти весь объём корреспонденции составляли счета. Сортируя их в две стопки по принципу «оплатить в ближайшее время» и «оплатить немедленно», Розмари с удивлением обнаружила шершавый жёлтый конверт, надписанный знакомым небрежным почерком.

Матиас! Значит, брат вспомнил про свою несчастную сестру и решил ответить на её просьбу. Да, он изрядно потрепал ей нервы, но если он готов помочь, то она простит его.

Суетливыми движениями Розмари разрезала конверт и, судорожно развернув короткое послание, принялась жадно читать его. От облегчения на её глазах выступили слёзы. Обведя взглядом свою гостиную, загромождённую дорогими сердцу мелочами, она бережно сложила письмо и со счастливым вздохом убрала его в конверт.

Глава третья, в которой Себастьян Крэббс получает письмо от отца и преисполняется надежды

В Лондоне день с самого утра выдался пасмурным. Впрочем, вся неделя не баловала теплом, что было неудивительно в преддверии осени.

Себастьян Крэббс, плотный невысокий мужчина средних лет с несколько отёкшим лицом и намечающейся лысиной, набросил на плечи ещё один свитер и подул на озябшие кончики пальцев. В комнате, что он арендовал у пожилого чудаковатого полковника в отставке, и которая находилась прямо над чиппи[1 - Чиппи - небольшая закусовая, где подают традиционную жареную рыбу и картошку.], пахло сыростью, рыбой и прогорклым маслом. Тёплая одежда не спасала от сквозняков, проникающих через расщелины в оконных рамах, и время от времени приходилось вставать и ходить по небольшому помещению, чтобы окончательно не замёрзнуть.

Летом здесь было душно и пыльно, а зимой, наверное, можно было околеть от холода, как уличный пёс. Проблема поиска жилья была для Себастьяна Крэббса первостепенной. Те деньги, что у него оставались от публикации двух последних рассказов, каким-то магическим образом растаяли ещё неделю назад. Новелла,

которую Морган обещал пристроить в пухлый солидный журнал, славящийся своими гонорарами, не впечатлила главного редактора, что стало крушением самых смелых надежд. Теперь нечего было и мечтать об уютной зиме в респектабельном семейном отеле на побережье. Лучшим, на что он теперь мог рассчитывать, был грязный маленький пансион на окраине Лондона, в котором ему довелось провести прошлую зиму. Опыт этот Себастьяну повторять ни в коем случае не хотелось.

Поэтому письмо отца, полученное час назад, стало ответом на жаркие молитвы. Небольшая передышка перед новым штормом укрепит его. Он уже представлял себе выходные, проведённые в тёплом доме, сон на удобной постели с шуршащими накрахмаленными простынями и горячую домашнюю пищу. Большого от отца он не ждал несмотря на его туманные намёки о некоем вознаграждении и особом даре.

Матиас Крэббс обладал властным переменчивым нравом и, сколько Себастьян его помнил, всегда старался преподать окружающим какой-нибудь полезный, по его мнению, урок. Это желание, несомненно, было продиктовано заботой, но порой напутствия принимали странную форму. Находчивый ум старика позволял ему избирать не самые тривиальные ходы в достижении своих целей, отчего объект попечения порой попадал в невыносимые условия. Стремление к навязыванию своей воли и эмоциональная глухота старшего Крэббса и сейчас вызывали у Себастьяна страх и отторжение, как в далёком детстве.

Воспоминания о том, как отец устраивал им с братом «уроки мужества», были до сих пор живы в его памяти. Генри, первенец, всеобщий любимец, переносил их с доблестным равнодушием, а вот Себастьяну приходилось тяжело. Выискивая в характере сыновей слабые места, старший Крэббс целился в них всей мощью своего изворотливого ума.

Чего только стоила идея отца отучить младшего сына спать при свете ночника. Для убедительности назидания его, спящего, переносили в подвал, где в углу была установлена кушетка. Когда Себастьян просыпался в кромешной темноте, его поначалу охватывало оцепенение, но уже через минуту шорохи и загадочные звуки заставляли работать и без того вольную фантазию мальчика, населяя обширный подвал невообразимо жуткими созданиями. Проведя в таком состоянии всю ночь до самого утра, он опрометью кидался к открывшейся двери и потом долгие часы не мог выдавить из себя ни слова, мелко кивая на всякую обращённую к нему фразу и стараясь держаться поближе к массивным

предметам вроде викторианского бюро или обеденного стола.

Плавать Себастьян выучился за несколько уроков, хотя чёрная, маслянисто поблескивающая на солнце вода озера пугала его ничуть не меньше, чем темнота. Тем не менее у него хватило ума помалкивать об этом, чтобы не дать толчок отцовской изобретательности. Проплывая положенное расстояние под бдительным надзором старшего Крэббса, он старался не думать о толще воды под своим бледным животом и скользких стремительных тварях, наблюдающих со дна за его медлительной тенью. В эти моменты он явственно ощущал, как что-то в его голове тихонько лопается с еле слышным звоном.

Однако детство давно закончилось. Много лет назад отдавшись литературному творчеству, к своим тридцати восьми годам Себастьян Крэббс не слишком-то преуспел на этом поприще.

Трудно было назвать его совсем уж бесталанным автором, однако издатели не спешили предлагать ему тысячефунтовые гонорары в обмен на право публикации его трудов. Пробуя себя в разных жанрах, он походил на золотодобытчика, упорно пытающегося отыскать драгоценную зернистую жилу, сулящую успех и богатство. Пристраивая время от времени рассказы или короткие развлекательные повести в небольшие журналы, он не оставлял надежд в один прекрасный день обрести блестящую идею романа, открывающего новые литературные горизонты.

Эта мечта влекла Себастьяна Крэббса с непреодолимой силой. Все лишения, выпадающие на его долю – безденежье, одиночество, скудное питание, неподходящие условия для жилья и работы, – все эти бытовые неурядицы оставались за скобками его творчества. По иронии судьбы его отец, Матиас Крэббс, более всего уважающий во всяком человеке упорство и несгибаемость в достижении назначенной цели, поставил на сыне крест ещё лет пятнадцать назад и менять своё отношение не собирался.

Достав из ящика стола последний апельсин, Себастьян выкинул гнетущие мысли из головы. Тонкая кожура зазмеилась под ножом, обдавая лицо пряным ароматом и заставляя рот наполняться слюной. Из прохладных долек с просвечивающими через пергаментную оболочку зёрнышками он соорудил кособокую башенку и долгое время рассматривал её, наклонив голову к правому плечу. При таком ракурсе солнечный луч, пробившийся через слоистые серые облака, превращал апельсиновые дольки в любопытное зрелище –

концентрированный свет пронизывал их насквозь, и мерцающие прожилки образовывали причудливый узор, будто на крыле бабочки.

Что же всё-таки имел в виду отец, говоря о вознаграждении? Эта мысль не выходила у Себастьяна из головы. В последнее время старший Крэббс был одержим идеей написания мемуаров, для чего даже пригласил в Гриффин-холл в качестве секретаря молодую женщину, Айрис Белфорт, умеющую работать с историческими документами. То, что отец выбрал стороннего человека и не воспользовался помощью сына, выглядело как его обыденное пренебрежение, хотя и вызывало некоторую досаду.

В отцовском письме было сказано про особый дар, ожидающий каждого члена семьи. Предчувствие перемен кольнуло где-то под ложечкой и Себастьян, отдавшись на волю фантазии, принялся воображать упоительные картины будущего благополучия. Среди них были и небольшой уютный коттедж с просторным кабинетом – в камине пылал огонь, а сам он сидел за солидным письменным столом красного дерева со множеством выдвижных ящичков; и вечеринки у литературных критиков, где он мог бы завести полезные знакомства; и, возможно, короткие поездки в Торки или Плимут с целью сменить обстановку и немного освежиться, что совершенно необходимо человеку, глубоко погружённому в творчество.

Добравшись в своих мечтаниях до палубы корабля, отплывающего в кругосветное путешествие, Себастьян вздрогнул от порыва ветра, распахнувшего неплотно прилегающую створку окна. Комнату заполнил пронизывающий утренний холод, и листы бумаги со стола разлетелись в стороны. Один из них угодил в мусорную корзину, и Себастьян долго смотрел на него, не в силах встать и навести порядок.

Содрогаясь от озноба, он, наконец, поднялся и, стуча протезом, заменившим правую ногу, закрыл окно на крючок и небрежно собрал части рукописи, не заботясь о том, чтобы сложить листы по порядку. На его лбу снова проступили морщины, губы плотно сжались.

Кляня себя за болезненную слабость, он с решимостью встал, уселся за стол и принялся писать письмо племянникам – Филиппу и Оливии Адамсон, которых в семье уже много лет называли не иначе как «бедняжками». Рано осиротевшие дети, на чью долю выпало достаточно потрясений, теперь уже ничем не напоминали Себастьяну испуганных большеглазых мышек. Филипп превратился

в широкоплечего молодого мужчину приятной наружности, а Оливия преобразилась из худенькой сутулой девчушки с обгрызенными до мяса ногтями в серьёзную статную красавицу. Правда, манера племянницы носить какие-то странные, больше похожие на мужские, мешковатые наряды, казалась старомодному Себастьяну сомнительной. Он готов был заключить пари, что в качестве блузок Оливия использует рубашки брата, а её новая привычка появляться всюду в брюках мужского покроя и вовсе его шокировала.

Последний раз он виделся с близнецами год назад, в день поминовения их матери и его сестры, Изабеллы. Тогда они все вместе выпили чаю в закусочной Лайонза на Стрэнде, потом немного прошлись и расстались у Сент-Климент-Дэйнс. Попрощавшись, он долго смотрел им вслед, досадуя на себя за излишнюю сдержанность и неумение вовремя отыскать нужные слова, если они предназначались не для бумаги. Близнецы уходили от него – молодые, высокие,двигающиеся почти синхронно, – и он в тот момент отчётливо понял, что его жизнь перевалила за вторую половину и больше, в общем-то, ждать особенно нечего.

Глава четвёртая, в которой «бедняжки» тоже получают письмо от Матиаса Крэббса

– Ну и что ты думаешь об этом? – спросила Оливия, внимательно глядя на брата и задумчиво постукивая конвертом по деревянному рассохшемуся подоконнику.

Филипп, её брат-близнец, флегматично пожал плечами и затянулся короткой египетской сигаретой. Его губы скептически искривились, между рыжеватыми бровями пролегли две тонкие морщинки. Письмо от дяди Себастьяна пришло ещё вчера и донельзя взбудоражило близнецов.

– Себастьян тоже не совсем понимает, о чём идёт речь. Но всё же хорошо, что он предостерег нас. От дедушки Крэббса можно ожидать чего угодно. Такой уж он неугомонный старикан, – и Филипп невольно усмехнулся.

– А я, ты знаешь, ничего особенно хорошего не жду, – медленно произнесла Оливия. – Как-то так получается обычно, что идеи, которые приходят в голову дедушке, выходят нам боком. Не думай, что я не испытываю благодарности. Как-

никак он заменил нам родителей. Но его забота – утомительное бремя.

Ловко затушив окурок в блюдце, Филипп кивнул и постарался отогнать болезненные воспоминания. На лицах близнецов проступило одинаково горькое выражение, стёршее следы различий, налагаемых полом, и сделавшее брата и сестру почти идентичными. Они и так были крайне схожи, но в моменты раздумий или при определённом освещении изумляли своим обликом столь сильно, что это казалось каким-то хитроумным трюком.

Оба высокие, угловатые, с длинными музыкальными пальцами и миндалевидными серо-голубыми глазами, брат и сестра отражались друг в друге, как в затуманенном зеркале. Даже тембр голоса у них был почти одинаковым: чуть ниже и басовитее у Филиппа, немного более певучий и звонкий у Оливии.

Позже, когда глаза привыкали к изобретательной проделке природы, можно было выхватить из общей картины немногочисленные различия.

Так, Филипп, безусловно, был сложен более атлетично, чем сестра. Его волосы, брови и ресницы обладали истинно британским красновато-рыжим оттенком, тогда как у Оливии по спине струились блестящие каштановые пряди, а ресницы на фоне бледной кожи и вовсе казались угольно-чёрными. Однако, как это ни странно, эти различия только подчёркивали общее сходство близнецов, заставляя предполагать особый замысел божественной игры.

Раздался требовательный стук в дверь, и молодые люди одинаково вздрогнули, не отстав друг от друга и на долю секунды. Оливия спрыгнула с подоконника и отошла чуть правее окна, почти к самой нише, где стояла низкая кушетка, а Филипп, пригладив волосы, отправился открывать.

Хозяйка пансиона, миссис Флорид, тучная меланхоличная женщина с выступающими зубами, сделала движение крупной головой, будто собиралась поклониться, и подняла повыше поднос, где лежало несколько писем и один пухлый небрежно запечатанный пакет.

Рассеянно улыбнувшись ей, Филипп быстро отыскал конверт, адресованный Филиппу и Оливии Адамсон, ещё раз улыбнулся, и, не дожидаясь, когда хозяйка удалится, проворно скользнул обратно в комнату.

Как только дверь захлопнулась, Оливия подлетела к брату и выхватила полученное им письмо. Отбежав к окну, она с лёгкостью устроилась на широком подоконнике, подобрав под себя длинные ноги в мешковатых брюках, и принялась торопливо распечатывать конверт. Когда Филипп передал ей в помощь нож для разрезания бумаги, она уже справилась со своей задачей и теперь читала послание от Матиаса Крэббса.

Чтение заняло меньше минуты. Дочитав, Оливия протянула письмо брату, одновременно громко хмыкнув.

Филипп встряхнул два небольших листа и начал читать вслух, медленно, словно боялся упустить какую-то значимую деталь:

- Дорогие Филипп и Оливия!

Не трата даром времени (а его у старика осталось немного), я перейду сразу к сути своего послания. Много лет я пренебрегал родственными связями и ратовал за полную самостоятельность каждого члена семьи Крэббс. Кто-то из вас с этим справлялся лучше, кто-то хуже...

- Про хуже - это он тётушку Розмари имеет в виду, не иначе, - усмехнулась Оливия, перебив брата.

Филипп коротко кивнул и продолжил:

- ...Тем не менее я горжусь каждым, кто смог устроить свою жизнь без оглядки на мою помощь.

Однако произошло событие, изменившее моё мировоззрение. Не отказываясь от своих убеждений, я всё же хочу каждого из вас вознаградить по достоинству.

Пользуясь тем немногим временем, что мне ещё осталось провести в этой юдоли земных печалей, я хочу пригласить вас в Гриффин-холл и преподнести каждому особый дар.

С превеликим нетерпением я ожидаю вас, Филипп и Оливия, в последнюю пятницу сентября. Надеюсь, неотложные дела не помешают вам посетить своего

старика и доставить ему радость увидеть, как возмужали дети его горячо любимой дочери Изабеллы.

– Вознаградить. С превеликим нетерпением. Горячо любимой. Возмужали, – Оливия произносила слова из дедушкиного письма отстранённо, будто цитировала телефонный справочник.

Филипп, дочитав письмо, какое-то время смотрел на него недоумевающе, а затем аккуратно сложил листы, следуя сгибам тонкой, будто папиросной бумаги.

Брат и сестра пристально посмотрели друг на друга.

– Да, дедуля Крэббс умеет удивить, – наконец произнесла Оливия. – Что думаешь? В честь чего, интересно, в дедушке разыграли родственные чувства? Может это быть связано с мемуарами, про которые писал дядя Себастьян?

Филипп неопределённо пожал плечами.

– Глупо гадать. Нужно поехать и узнать, что ему пришло в голову на этот раз. Я не прочь, если честно. Любопытно было бы снова оказаться в Гриффин-холле. Если к выходным погода наладится, то поездка обещает быть приятной.

Оливия мечтательно улыбнулась. Черты её лица смягчились, настороженность сменилась выражением детского ожидания праздника.

– Старый Гриффин-холл... Любопытно, верёвочная лестница всё ещё хранится в дупле нашего дерева?

– Скорее всего, она истлела, – сухо ответил Филипп и тут же прибавил: – Не жди от этого визита многого, Олив. Старому Матиасу нравится вытягивать из людей чувства, ты же знаешь. Не думаю, что он сильно изменился за прошедшие годы. Да и слова о вознаграждении не стоит принимать слишком уж всерьёз. Это может быть всё что угодно, но не то, чего ожидает тётушка Розмари, если она получила такое же приглашение.

– Годы меняют людей. Смягчают их сердца, – не согласилась с братом Оливия. – К тому же дедушка Матиас и правда стар. Сколько ему? Восемьдесят?

Восемьдесят пять?

– Семьдесят два. Всего лишь, – уточнил Филипп.

– Да какая разница? – отмахнулась Оливия со свойственной юности бессознательной жестокостью. – А родственников у него осталось не так уж много. Это нормальное желание – увидеть родню, особенно если он неважно себя чувствует.

– С чего ты это взяла? – удивился Филипп. – Из письма? Так уверяю тебя, это он специально. Дедушка Матиас легко переживёт нас всех, а на похоронах произнесёт очередную поучительную речь и с удовольствием выпьет свежего сидра.

– Ты столько лет носишь в сердце обиду на него, Филипп. Неужели ты не понимаешь, что делаешь себе только хуже? – мягко произнесла Оливия. – В конце концов, он ведь хотел уберечь нас. Не его вина, что всё это... вышло из-под контроля.

– Хорошая память – не всегда благо, – ответил ей брат. – Но забыть то, что было, я не в силах. А вот на твою память, как я посмотрю, повлияло обещанное вознаграждение.

– Не обвиняй меня в алчности, прошу, – жалобно сказала Оливия, – ты ведь знаешь, что это не так. Но разве плохо будет перестать мотаться по этим унылым пансионатам и осесть где-нибудь в тихом живописном месте? Не считать каждый пенни, может быть, даже купить небольшой домик с садом... – лицо её вновь приобрело мечтательное выражение, щёки разрумянились. – Ты смог бы жениться и завести детей. Я бы непременно сдружилась с твоей женой, и мы бы жили все вместе, как настоящая семья! Из меня получится отличная тётя для двух или трёх сорванцов. Как думаешь, велики ли шансы на то, что у тебя появятся близнецы? Скажем, парочка глазастых девчонок и двое рыжих разбойников? А в саду будет расти и жимолость, и розы, и мы будем весной пить там чай и поедать горы домашней выпечки с девонширскими сливками.

– Господи, Олив, я и не думал, что тебе настолько не нравится то, как мы живём, – изумился Филипп.

– Так мы поедем? – спросила Оливия брата, взяв его за руку.

– Поедем, – после небольшой паузы ответил тот с нежностью и пожал её тёплую ладонь, но на душе у него было беспокойно.

Глава пятая, в которой Вивиан Крэббс прибывает в Англию и питает горячую надежду на скорое разрешение своих затруднений

Пасмурные дни приводили Вивиан Крэббс в уныние. Её практичный ум и взрывной темперамент требовали постоянной смены деятельности. Жажда ярких эмоций и свежих впечатлений нередко толкала её на безрассудные поступки, но сожалеть о них до сей поры ей не приходилось.

Поезд, который мчал её вглубь острова, двигался сквозь серый безрадостный дождь. Капли жирными кляксами расплзались по мутному оконному стеклу, и у девушки вырвался унылый вздох.

В Калифорнии, где у них с матерью было множество знакомых и друзей, она всегда находила себе занятие по душе. Пользуясь большим успехом у противоположного пола, юная Вивиан беззаботно порхала с приёма на приём, в перерывах принимая многочисленные приглашения сыграть в теннис или совершить морскую прогулку. К слову, она была просто ослепительна что в белоснежном платье с матросским воротником, что в костюме для игры в теннис и отлично это сознавала.

Завитые по моде белокурые волосы, прозрачная кожа того оттенка, который называют фарфоровым, губы с нежным изгибом и совсем по-кошачьи маняще-раскосые глаза открывали Вивиан дорогу на экран, но именно этот путь был для неё заказан. Старый хрыч, её английский дед, был, по правде говоря, не совсем уж пропавшим стариканом, но одна только мысль, что его любимая внучка, в чьих жилах течёт кровь Крэббсов, будет одной из старлеток в порочном Голливуде, приводила его в исступление. Упрямый и свободолюбивый нрав Вивиан протестовал против навязывания чужой воли, но после угрозы лишиться её ежемесячного содержания она утихомирилась. «Ничего, – сказала она себе, когда Крэббс объявил ей свой запрет. – Дед уже старый, а я ещё долго буду молодой и прекрасной. После его смерти я получу солидный куш и смогу делать

всё, что мне заблагорассудится». Вивиан была убеждена, что основную часть дедовского наследства получит именно она, ведь остальных родственников Матиас Крэббс терпеть не мог.

Здесь, в Англии, куда она приехала, чтобы уладить с дедом одно небольшое дельце, у неё сразу испортилось настроение. Да, путешествие на «Беренгарии» было вполне сносным и даже не лишённым приятности, но дождь, застигший её в порту, и кислые лица встречающих судно повергли бы в уныние даже куда более жизнерадостного человека, чем Вивиан Крэббс.

«Погощу у деда два дня, не больше. Улажу дело, заберу деньги и смотаюсь на пару деньков в Лондон», – пообещала она себе. В Лондоне у них с матерью были друзья, там кипела жизнь, и не было места этим бесконечным твидовым костюмам, пропахнувшим псиной, и сводившим с ума разговорам о погоде. Что хорошего находил сам дед в английской глубинке, Вивиан искренне не понимала.

Прибыв в Англию без предупреждения, она не сомневалась в том, что старый Крэббс будет рад сюрпризу. Его необъяснимая любовь к ней всегда приводила её в недоумение, ведь такие бурные проявления чувств были ему совершенно несвойственны. Мать объясняла это тем, что старик безмерно обожал Генри, её отца, убитого в самом начале Великой войны[2 - Великая война – так в Великобритании и Франции принято называть Первую мировую войну.], и потому всю привязанность, на которую был способен, перенёс на бойкую и хорошенькую внучку. Сама Вивиан отца не помнила, но любила рассматривать те немногие фотографии, которые мать забрала с собой, вернувшись в Америку. На них был запечатлён высокий, ладно скроенный молодой человек с обаятельной улыбкой и золотистыми волосами, всегда в окружении родных или друзей, всегда оживлённый. Чувствовалось, что Генри Крэббс любил жизнь и умел ею наслаждаться. Иногда Вивиан (правда, не слишком часто) задумывалась, как это, должно быть, обидно, умереть в расцвете лет на какой-то глупой войне.

Сочтя, что молодая леди отчаянно скучает и предаётся невесёлым мыслям, попутчик, давно уже поглядывавший на Вивиан, решил действовать.

– Осенняя погода бывает совершенно невыносимой, не правда ли? – мягко произнёс молодой мужчина, указывая раскрытой ладонью на пейзаж, проплывающий за окном. – В такой день, как сегодня, меня начинают посещать мысли о путешествии в тёплые страны. Вообще, сменить обстановку бывает

довольно приятно, вы так не считаете?

Промедлив несколько мгновений, Вивиан бросила на него цепкий взгляд и нейтральным тоном ответила:

– Да, полагаю, вы правы. Мир слишком велик, чтобы заикливаться на чём-то одном.

– О, простите мне мою невоспитанность, – спохватился собеседник. – Я Джереми Эштон, сквайр. Возвращаюсь из Лондона, куда ездил договариваться о поставках нового оборудования для одной из моих ферм.

– Вивиан Крэббс, – сдержанно представилась девушка, мысленно закатив глаза. «Ещё одна деревенщина. Сейчас пустится в рассказы о молотилках и строительстве загонов для призовых свиней. Никогда не понимала, зачем люди с деньгами хоронят себя в глуши».

Беседа грозила иссякнуть, едва начавшись, и мистер Эштон был вынужден вновь проявить инициативу.

– Путешествуете по сельской Англии, мисс Крэббс? По делу или для удовольствия?

– Это деловая поездка, – тут же ответила Вивиан, давая понять всю несостоятельность предположения, что ей могло бы доставить удовольствие путешествие по английской глубинке. – А как вы догадались, что я приезжая?

Джереми Эштон немного снисходительно улыбнулся.

– Вас выдаёт темперамент, мисс Крэббс. Да и английские девушки не так откровенно досаждают на дождливую погоду.

– Вообще-то, я по отцу англичанка, и даже родилась в Англии, – слегка обиженно запротестовала Вивиан.

– Вот как? – удивился её собеседник. – Так может быть, вы приходите родственницей Матиасу Крэббсу?

– Матиас Крэббс – мой дедушка, – с достоинством произнесла Вивиан. – А вы-то откуда его знаете?

– Да что вы! – неуместно восхитился Джереми Эштон. – Представляете, а мы с вами соседи. Земли Эштонов и Крэббсов граничат между собой. Так вы говорите, что приехали по делу? Надеюсь, ничего огорчительного? С мистером Крэббсом всё в порядке?

– О, всё в полном порядке, – мило улыбнувшись, ответила Вивиан. – Так, небольшие семейные дела. Нужно повидать дедушку, кое-что уладить...

«Бог мой, знал бы ты, в какую историю я влипла! – вскричала она мысленно. – Повидать дедушку! Да неужели бы я поехала чёрт знает в какую глушь, если бы не этот чёртов, чёртов, чёртов Джимми!»

Из-за мыслей о Джимми у неё снова разболелась голова. Вот ведь паршивец! И она тоже хороша – размечталась, размякла от его сладких речей. Ему даже не пришлось особенно её убеждать, она сама пообещала достать денег столько, сколько понадобится для дела. Разумеется, едва запахло жареным, Джимми сразу же смылся. На её письма он не отвечает, общие знакомые в недоумении разводят плечами на вопрос о его местонахождении.

А ведь это из-за него она влипла в крупные неприятности. Такие поначалу вежливые, такие безусловно элегантные молодые люди, у которых она с лёгкостью получила нужную сумму, в их последнюю встречу наговорили ей такого, что до сих пор поджилки тряслись. Вернуть им деньги нужно было как можно скорее, и промедление могло дорого ей обойтись.

Вивиан тяжело вздохнула и с раздражением посмотрела на попутчика, всю дорогу донимающего её расспросами. Тот, уловив перемену в настроении девушки, понимающе улыбнулся и развернул газету, давая понять, что больше не будет ей докучать. Весь оставшийся путь они проделали молча, и на станции Грейт-Бьюли мистер Джереми Эштон был с ней безусловно предупредителен, но вместе с тем довольно холоден. Однако Вивиан, не думая, что ей доведётся встретиться с ним ещё раз, несколько не расстроилась и в самом оптимистичном расположении духа устремилась к поместью деда, в Гриффин-холл.

Глава шестая, в которой Айрис Белфорт огорчает весьма симпатичного молодого человека

Собираясь на встречу, которая должна была состояться в Британском музее, Айрис Белфорт, молодая и привлекательная женщина, хотя и несколько безвкусно одетая, была чрезвычайно довольна собой. Её тёмные глаза сияли торжеством, губы еле заметно подрагивали от затаённой улыбки.

Дело, требующее от неё и использования привычных навыков, и приобретения новых, было, в сущности, завершено. Причём увенчалось оно таким головокружительным успехом, что теперь Айрис просто готова была танцевать от восторга. Подобного развития событий она даже и предполагать не могла.

Будучи с раннего детства собранной и целеустремлённой особой, впрочем, не лишённой авантюрной жилки, Айрис превыше всего ценила сложные задачи, где имелась возможность не только продемонстрировать возможности своего ума, но и при удачном стечении обстоятельств помериться силами с достойным противником. Такое интеллектуальное противостояние придавало её деятельности дополнительную остроту.

Рано оставшись сиротой, она тем не менее получила неплохое образование, за что благодарить стоило её дальновидного отца, так как опекуны были в высшей степени равнодушны к ней и сколько-нибудь значительного участия в судьбе девочки, лишившейся родителей, не принимали.

В школе-пансионе царили суровые, практически монашеские порядки, но преподаватели сумели разбудить в способной девочке тягу к знаниям и направить её энергию в нужное русло. Айрис Белфорт по праву считалась лучшей ученицей, о чём опекунам в день её выпуска с гордостью сообщила директриса, пророчащая ей блестящее будущее.

Однако будущее до сих пор не спешило приоткрывать завесу, скрывающую его дары. Пока у Айрис не было ничего, кроме законченной с отличием школы для сирот и серьёзного объёма знаний. Знания эти, безусловно, имели фундаментальный характер и во многом определяли будущее девушки, но сияющих перспектив до сей поры не предвещали. Выйдя из стен пансиона, она была вынуждена сразу же приступить к поиску работы, способной её

прокормить, так как отцовские деньги иссякли ещё пять лет назад, после чего поддержкой ей служила лишь крошечная стипендия, выхлопотанная жалостливой директрисой.

Поэтому стечение обстоятельств, приведшее её в Гриффин-холл, теперь казалось Айрис почти что промыслом божьим. Полученное два дня назад предложение позволяло ей строить самые смелые планы, выкинув из головы сомнительные способы обогащения.

Вполголоса напевая, она сняла очки и положила их дужками вниз на прикроватный столик, ровно по центру. Расчесала частым гребнем коротко стриженные волосы, а потом задумчиво тронула помадой узкие губы. Улыбнувшись своему отражению, девушка аккуратно надела шляпку, чуть сдвинув её на лоб, а после натянула перчатки и, взяв плоскую сумочку-конверт с обтрепавшимися и тщательно подкрашенными уголками, направилась в Блумсбери.

Промозглый сентябрьский ветер заставил Айрис Белфорт продрогнуть до костей в тоненьком твидовом жакете. Когда она вошла под своды музея и, пройдя в мексиканскую галерею, увидела возле мозаичного панно и скульптур ацтеков высокую фигуру светловолосого мужчины, её эйфория испарилась. Тут только она поняла, что совершенно не продумала, как сообщит об изменении своих планов Майклу.

Как только в безлюдном зале раздались шаги Айрис, мужчина сразу же отвернулся от ритуальной мозаичной маски Кецалькоатля и торопливо направился к девушке.

– У меня совсем немного времени, – отрывисто произнёс он. – Буквально десять минут. Сегодня я должен вернуться домой вовремя.

Его поспешность оскорбила девушку. Она даже с некоторым злорадством представила, как вытянется его лицо, как только он услышит от неё новость.

– Я, знаешь ли, тоже весьма занята. Мой поезд отходит с вокзала Сент-Панкрас через сорок минут.

– Ну, прости меня, малыш, – Майкл еле слышно вздохнул и тут же улыбнулся открытой мальчишеской улыбкой, которая ей всегда так нравилась. – Я совсем замотался. Со всех сторон меня обстреливают, я просто валяюсь с ног. Но скоро всё изменится, правда, лапочка? Скоро мы сможем себе позволить немного отдохнуть и расслабиться. Что ты предпочитаешь: Плимут или Борнмут? А может быть, махнём куда-нибудь на континент?

– Я выхожу замуж, Майкл, – спокойно ответила Айрис, и в её тоне не было и намёка на извинение. – Ты должен забыть о наших планах. Я выхожу из игры.

Часть вторая

Глава первая, в которой Матиас Крэббс безмерно рад встрече с внучкой Вивиан и огорчается из-за того, что не может решить её затруднения

Гриффин-холл представлял собой добротный трёхэтажный особняк, выстроенный в раннем георгианском стиле и окружённый пышными кронами разросшихся вязов. Несмотря на повсеместные сложности с прислугой, у Матиаса Крэббса служил целый штат отлично вышколенных работников. Щедрая оплата и приверженность хозяина традиционным ценностям не заставляли их искать лучшей жизни.

Кроме того, старший Крэббс сознательно не вникал в те мелочи, которые могли бы осложнить положение слуг. Хозяйство в доме велось хоть и с разумной бережливостью, но без скупердяйства.

Ему бы и в голову не пришло пересчитывать банки с клубничным мармеладом или овощным многоцветным чатни, которые готовила по своим фирменным рецептам кухарка миссис Гилмор. Если же из восьми дюжин банок с домашними консервами одна или две дюжины постепенно пропадали из кладовой, хозяин оставался в приятном неведении.

Точно так же Матиас Крэббс не вникал в подробности поставок в Гриффин-холл молока, масла, мяса и сыра. Он, разумеется, проглядывал раз в неделю присланные счета, но сверять затраты с количеством припасов, хранящихся в кладовой, необходимым вовсе не считал.

Вольготно в поместье жилось и садовнику Чепмену. Кряжистый, как старое дерево, крепкий ещё старик разбил в западной части поместья приличный огород и исправно выращивал к хозяйскому столу свежие овощи и зелень, а для украшения дома махровые гвоздики, георгины и роскошные японские камелии. Соорудив небольшой парник, Чепмен присылал на кухню и ярко-зелёные пупырчатые огурцы, так славно пахнувшие свежестью и отлично подходившие для сэндвичей, и крупную сладкую клубнику, которую миссис Гилмор подавала старшему Крэббсу на десерт.

Хозяйский аппетит был не настолько хорош, чтобы уничтожить всё выращенное умелыми руками, поэтому излишки исчезали в направлении, известном только садовнику. Зато на столе у дочери Чепмена и двоих его внуков, живущих в шумном и грязном Лондоне, где и клочка подходящей для садоводства земли не сыщешь, всегда были свежие овощи.

Требований у Крэббса было не так уж много, и все они неукоснительно соблюдались. Привольная жизнь, как это ни странно, не распустила прислугу, а, наоборот, утвердила в решимости сохранить существующий уклад на как можно более длительный срок. Стараниями экономки миссис Уоттс и горничных Эммы и Дорис дом содержался в безупречном порядке, а дворецкий Симмонс стоял на страже традиций и не допускал сбоев в работе всего штата прислуги.

Благодаря этим слаженным усилиям каждый, кто входил через парадные двери особняка, ощущал, будто совершает путешествие в прошлое. Довоенный уют, сулящий безмятежность и комфорт, заставлял гостя испытывать ностальгию и тайком вздыхать по утраченному. В Гриффин-холле до сих пор к чаю выпекались настоящие сконы и ячменные лепёшки, и имбирный хлеб, и рассыпчатые кексы и прочие традиционные лакомства. Газеты подавались в тщательно проглаженном виде, а после чаепития у дверей ждал Симмонс, приготовив для хозяина крепкую трость и, в зависимости от погоды, либо макинтош, либо пальто по сезону. Ровно в пять в гостиной разжигали камин, а перед ужином старшему Крэббсу подавали рюмку корнуэльского пастиса[3 - Корнуэльский пастис – крепкий алкогольный напиток на основе фенхеля, аниса и лакрицы.].

Уставшая и продрогшая Вивиан, приехавшая со станции на такси, чуть не ахнула, когда парадную дверь ей открыл дворецкий, у которого был такой невозмутимый и величественный вид, что он больше походил на актёра, виртуозно играющего роль. Она, конечно, бывала в богатых домах своих американских друзей, но такой неподдельной атмосферы роскоши там не встречала.

Резная полированная лестница с широкими ступенями, люстра, в которой светились сотни маленьких огоньков, лёгкий запах лимонной мастики и свежесрезанных цветов. По сторонам от лестницы стояли два керамических вазона, и она вспомнила их – в детстве, которое теперь казалось таким далёким, она всерьёз верила, что в них живут джинны, исполняющие желания. Сейчас в них стояли охапки лохматых георгинов цвета испанского вина.

– Доложите мистеру Крэббсу, что к нему приехала внучка Вивиан, – чуть громче, чем следовало, произнесла девушка, возвращаясь к реальности.

– Непременно, мисс Крэббс, – чопорно ответил дворецкий, подхватив из рук шофёра чемодан гостыи и жестом приглашая её следовать за собой.

В гостиной царил тот же основательный уют, что и в холле. Огонь в камине весело трещал, пожирая уложенные пирамидкой дрова, распространяющие смолистый аромат по всей комнате. Портьеры цвета мха были уже задёрнуты, а на маленьком инкрустированном столике, придвинутом к вольтеровскому креслу с пухлыми подлокотниками, стоял хрустальный штоф с мутной жидкостью и серебряная рюмка.

Вивиан с огромным удовольствием села поближе к камину и издала долгий вздох облегчения. Поездка изрядно утомила её, и теперь было так приятно вытянуть гудевшие в модных туфельках ноги и расстегнуть узкий жакет уличного костюма.

«Интересно, как старикан умудрился сохранить дом в прежнем виде? И это сейчас, когда по обе стороны океана почти все еле-еле концы с концами сводят, – лениво подумала девушка. – И кому он завещает его? Неужели тётушке Розмари, этой старой клуше? Представляю, как она обрадуется. Раскидает повсюду свои вышитые подушечки и будет терроризировать прислугу, гоняя её за нюхательной солью и желудочными каплями».

От мыслей о завещании деда её отвлек звук открывшейся двери. Затем раздался приглушённый стук трости, и девушка посчитала нужным порывисто вскочить с дивана и обернуться.

– Дедушка Матиас, это я, Вивиан! – воскликнула она, поспешно приближаясь к старшему Крэббсу с непосредственной детской улыбкой, от которой, как она знала, у неё становился прелестный, поистине ангельский вид.

Попутно она окинула его цепким взглядом и поразилась тому, как дед изменился. Не внешне, нет, его наружность по-прежнему внушала почтение. Матиас Крэббс даже в преклонном возрасте оставался видным широкоплечим мужчиной с крупными чертами лица и густыми бакенбардами. В детстве Вивиан почему-то воображала деда морским адмиралом, наводящим ужас на пиратов и контрабандистов. Нет, изменилась его манера себя держать, нечто неуловимое, что трудно назвать, но отчего после долгой разлуки становится так жаль проведённых порознь лет. Эти, в сущности, закономерные изменения вынудили её остановиться и растерянно повторить чуть громче:

– Это я, дедушка, Вивиан. Я наконец-то приехала в Гриффин-холл!

– Вот уж сюрприз так сюрприз, – ласково ответил старший Крэббс, прислоня трость к спинке дивана и раскрывая ей свои объятия. – Только вот незачем так кричать, милая, тугоухостью твой старик пока не страдает.

– Ну что ты, дедушка, какой же ты старик, – запротестовала Вивиан и тут же замолчала, отметив про себя, как фальшиво и беспомощно прозвучали её слова.

– Дай-ка мне посмотреть на тебя, юная леди, – дед отошёл на два шага и прищурился, склонив голову к плечу.

Девушка приняла скромную позу и снова улыбнулась. Уверенность в том, что все её неприятности позади и маленькое дельце, ради которого она пересекла океан, уже решено, согрела её и вызвала на щеках прелестный румянец.

– До чего же ты, милая, похожа на Генри, – протянул дед и покачал головой. – Даже удивительно. Та же бездна обаяния, решимости и отваги. Из всех моих детей только он один чего-то стоил. Просто невероятно, что мы потеряли его.

Вивиан горестно сжала губы и опустила ресницы, как того требовал момент. На самом деле она не испытывала горя по поводу гибели отца. Да, ей было бы любопытно повстречаться с ним, наверняка они бы нашли общий язык, но если уж судьба распорядилась иначе, то какой смысл печалиться? Жизнь для этого слишком коротка.

– Ты приехала одна, – утвердительно сказал дед. – А твоя мать? Из-за чего на этот раз ей не удалось отложить дела, чтобы повидаться со свёкром?

В голосе Матиаса Крэббса сквозила лёгкая ехидца.

Взяв деда под руку и помогая ему добраться до кресла, Вивиан ответила ему в тон:

– О, дедушка, ты же знаешь маму. Она снова вышла замуж. Предсвадебные хлопоты поглотили её целиком. Но она передаёт тебе огромный привет.

– Узнаю Кэролайн, – захихикал старший Крэббс. – Неугомонная женщина. Всегда такой была. Если бы Генри вернулся с войны, он бы с ней намаялся.

– Папу мама по-настоящему любила, – сочла нужным вступить за мать Вивиан.

– Знаю, милая, знаю, – дед примирительно сжал её ладонь. – Они были из одного теста. Жизнь в них так и кипела. Видела бы ты, как твой отец радовался, когда ты родилась. Он просто обезумел от счастья. Будь это в его власти, то он бы пошёл на что угодно, лишь бы не покидать тебя и Кэролайн.

Так за приятной беседой они выпили по рюмке пахучей сладковатой настойки, а после отправились ужинать в столовую. Воспоминания невероятно увлекли Матиаса Крэббса, он предавался им с большой охотой, воскрешая в памяти всё новые и новые случаи из детства и юности горячо любимого сына.

Вивиан буквально слова вставить не могла, не помышляя уже о том, чтобы завести разговор о деньгах. Поначалу она ещё пыталась как-то намекнуть на цель своего приезда, но словоохотливость деда не оставила ей никаких шансов.

Когда они покончили с отменными бараньими отбивными и сладким пудингом, Вивиан встрепенулась было в надежде, что уютное чаепитие в библиотеке позволит ей наконец-то приступить к делу. Однако и здесь её ждала неудача.

Матиас Крэббс объявил, что вместо чая по вечерам он пьёт горячий шоколад со специями, приказал подать напиток к нему в комнату, а сам, сдержанно кряхтя, сослался на усталость и отправился наверх. Вивиан не оставалось ничего другого, как скрыть досаду и нетерпение и с нежностью пожелать деду покойного сна.

Уже в своей комнате, приняв горячую ванну и набросив на плечи шелковый пеньюар, девушку впервые посетило сомнение, что её дело решится с той лёгкостью, на которую она рассчитывала.

Глава вторая, в которой гости Матиаса Крэббса прибывают в Гриффин-холл

Пятничное утро для прислуги Гриффин-холла выдалось хлопотным. Необходимо было не только подготовить гостевые комнаты, но и по особому приказу хозяина привести в порядок его мастерскую, на месте которой несколько лет назад была оранжерея. Разведение экзотических растений увлекло Матиаса Крэббса ненадолго, и, избавившись от всех зелёных редкостей, он превратил светлое помещение со стеклянными стенами и потолком в художественную студию, с воодушевлением отдавшись новой страсти – любительской живописи.

Надо сказать, что старший Крэббс, удалившись от дел, проявил несколько экстравагантную приверженность различным несерьёзным занятиям, к которым ранее никакого вкуса не имел. Некоторые разочаровывали его довольно быстро, и тогда весь инвентарь перекочёвывал в старый лодочный сарай или на чердак. Такая участь постигла и альбомы в коленкорových переплётках, которые в течение довольно непродолжительного времени небрежно и без всякой системы заполнялись марками, и принадлежности для таксидермии вместе с неряшливыми чучелами славки-черноголовки, бурундука и престарелого кухонного мышелова, потерявшего один глаз в жестокой схватке с молодым преемником. После того, как интерес Крэббса иссяк и альбомы, и пропахшие формалином выцветшие тушки были тщательно упакованы в непромокаемые ящики, и теперь обретались там же, где и разохшаяся старая лодка.

Гораздо дольше коллекционирования крошечных кусочков бумаги и мумифицирования несчастных зверушек и птиц продержалось увлечение живописью и энтомологией. Занятия эти заполнили собой весь досуг пожилого джентльмена.

Результатом стали внушительное собрание живописных полотен и впечатляющая коллекция умерщвлённых по всем правилам чешуекрылых. Комната на первом этаже, при жизни миссис Крэббс используемая как салон, теперь была заполнена стеклянными витринами, в которых красовались прелестные хрупкие создания, безжалостно пронзённые булавками. Рядом, в бывшей кладовой, была оборудована лаборатория, где хранились сачки, морилки, инсектициды и инструменты для препарирования.

Несмотря на возраст, Матиас Крэббс всё ещё пополнял свою коллекцию, в ясную тёплую погоду проходя с сачком не менее пяти миль в поисках очередного порхающего приобретения. Однако в это утро он не стал спускаться к завтраку, видимо, решив побереечь свои силы перед нашествием толпы родственников.

Вивиан, немало огорчённой этим фактом, пришлось завтракать одной. Она знала, что деду нравится, когда женщина тщательно причёсана и одета, и поэтому долго занималась волосами и придирчиво выбирала наряд. Сейчас, сидя в столовой в небесно-голубой блузке с пышным бантом и твидовой юбке, она чувствовала себя донельзя глупо.

Невозмутимый вид Симмонса, изображавшего безмолвный истукан с безупречной осанкой, лишь усиливал нервозность девушки. «Да что же это такое! – в отчаянии думала она, с ненавистью глядя на домашний клубничный мармелад, уложенный на фарфоровое блюдце в виде полумесяца. – Ведь не ради английских чопорных завтраков я пять дней болталась по Атлантике на этом чёртовом лайнере!»

В попытке успокоиться Вивиан спросила дворецкого:

– Я заметила, Симмонс, что горничные с самого утра суетятся на втором этаже. И у экономки чересчур озабоченный вид. Надеюсь, эти хлопоты не из-за моего визита?

– Разве мистер Крэббс не сказал вам, мисс Вивиан? – позволил себе слегка удивиться дворецкий. – К ланчу ожидаются гости. Они прибывают в Гриффин-холл на несколько дней. Миссис Уоттс, экономке, было приказано подготовить пять гостевых спален. Комнаты, разумеется, содержатся в полном порядке, но нуждаются в проветривании. Сожалею, что горничные нарушили ваш покой.

– Гости? Я ничего об этом не знаю. – Новость ошарашила Вивиан. – А кто должен приехать, Симмонс?

– Мисс Розмари Сатклифф, мистер Себастьян Крэббс, миссис Хоггарт с мужем и Оливия и Филипп Адамсон.

Перечисляя имена гостей, дворецкий кивал, будто отдавал каждому из них честь.

– Благодарю, Симмонс, я закончила, – рассеянно произнесла Вивиан, вставая из-за стола и не замечая, что полотняная салфетка соскользнула с колен прямо ей под ноги. Неловко запнувшись, девушка поспешно вышла из столовой и быстро направилась к двери, ведущей в сад.

Ночью пролился дождь, и дорожки, покрытые гравием, всё ещё были сырыми. Однако небо впервые за долгие дни расчистилось и предвещало погожий день. Прогуливаясь без всякой цели, Вивиан попыталась успокоиться и избавиться от охватившего её злобного отчаяния, но все усилия были тщетны. Она не замечала прощального буйства садовых клумб в преддверии осени и рукотворной красоты окружающего её ландшафта. Южный ветер, насыщенный солоноватым запахом Северного моря, не доставил ей наслаждения. Только одна мысль подчинила её себе: во что бы то ни стало она должна достать деньги.

* * *

Первыми в Гриффин-холл прибыли близнецы. Насторожённые, молчаливые, они вышли из двухместного автомобиля, оставив его на подъездной дорожке, и медленно подошли к двустворчатым воротам. Тринадцать лет – достаточный срок, чтобы позабыть место, в котором ты был когда-то счастлив, но слишком короткий для того, чтобы стереть из памяти горестные воспоминания.

– Живая изгородь чересчур разрослась, – нарушил молчание Филипп. – Наш дуб теперь отсюда и не увидеть.

Оливия вместо ответа по давней привычке сжала его ладонь и нарочито бодрым тоном произнесла:

– А я теперь даже не уверена, что хочу его видеть, – и непонятно было, к кому относятся её слова, к старому дубу – неизменному участнику их детских игр, или к Матиасу Крэббсу.

Ожидая, пока откроют ворота, близнецы готовились к встрече с дедом, неосознанно придвинувшись ближе друг к другу, будто опасались, что их снова разлучат. Однако подготовка оказалась излишней – у парадного входа их встречали лишь дворецкий и экономка, миссис Уоттс.

Бесстрастное лицо Симмонса при виде «бедняжек» расплылось в улыбке, и сразу стало ясно, что годы прибавили ему благородных морщин. Миссис Уоттс же почти не изменилась, разве что её фигура приобрела ещё большую солидность, а в причёске появились серебряные нити.

– Добро пожаловать в Гриффин-холл, – с теплотой поприветствовала она близнецов, и от звука её голоса прошедшие годы будто съёжились, горечь, которую они принесли, улетучилась, и близнецам показалось, что им снова по десять лет и их сейчас отправят в детскую пить чай с тминным кексом.

Легко взбежав по ступенькам, они буквально ворвались в холл и сразу же наткнулись на угрюмую Вивиан. Девушка вспыхнула, словно её застали врасплох, и отшатнулась. Всё утро она безуспешно караулила старшего Крэббса, запершегося в библиотеке, и к приезду близнецов совершенно извелась. Намеченный ею план получить у деда необходимую сумму и как можно быстрее покинуть Гриффин-холл разваливался на глазах, и это приводило её в исступление.

– Доброе утро, – отрывисто сказала она. – Мы незнакомы, но полагаю, вы – Оливия и Филипп. Я Вивиан Крэббс, ваша кузина из Америки.

Близнецы по очереди пожали её узкую холодную ладонь. Впечатление она производила странное. Её слишком яркий для утренней поры наряд и причёска,

наводившая на мысли о голливудских кинофильмах, выглядели неуместно в холле старинного дома. Девушка, несомненно, была чрезвычайно хороша собой, но выражение лица, напряжённое и обиженное, как у капризного ребёнка, придавало ей отталкивающий вид. Однако Оливия сразу поняла, что брат впечатлён новой родственницей.

Неловкое молчание прервалось с прибытием следующих гостей. Майкл Хоггарт буквально замер на пороге, уставившись на Вивиан Крэббс широко распахнутыми глазами. Девушка же, уловив его восхищение, поменяла позу на более изящную, при этом нисколько не смягчив недовольства.

Вслед за мужем в холл вошла Грейс Хоггарт, её лицо было серым от усталости, под глазами залегли тени. На руках у неё спал младенец, закутанный в яркую шерстяную шаль.

Пока все приветствовали друг друга и знакомились, Оливия не сводила глаз с измученного лица кузины Грейс. Да, конечно, пролетело тринадцать лет, но как совместить в своём разуме ту благовоспитанную девочку с серьёзными синими глазами, которая могла храбро вскарабкаться на дерево, чтобы спасти забравшегося туда котёнка, или отвлечь какой-нибудь безделицей внимание взрослых, пока близнецы воруют с кухни свежее испечённые булочки, – с этой полноватой особой, в чьём облике ясно читались беззащитность и страдание.

Лакей Энглби давно уже разнёс вещи новоприбывших гостей по комнатам, а миссис Уоттс покорно стояла в некотором отдалении, ожидая, когда она сможет проводить гостей на второй этаж. Тем не менее беседа между Вивиан и мужчинами с каждой минутой становилась только оживлённее. Никто из них не желал её прерывать, пока малышка на руках Грейс не проснулась и не заявила об этом событии ликующим криком.

– Я иду наверх, Майкл. Полли давно уже пора переодеть и покормить, – обвинительным тоном сообщила Грейс, но не двинулась с места.

Мужчины неловко замолчали. Явно не желая устраивать сцену, Майкл одарил всех обаятельной улыбкой и, придерживая жену под локоть, отправился на второй этаж. Сразу после этого, к видимому огорчению Филиппа, откланялась и Вивиан, сославшись на необходимость написать письмо.

Близнецы остались в холле одни, но не успела Оливия съехидничать по поводу американской кухни, как в дверь позвонили, и словно бы из ниоткуда материализовавшийся Симмонс впустил тётушку Розмари.

Её впалые щёки разрумянились от волнения, руки суетливо теребили замочек старомодной гобеленовой сумки. Фетровая шляпка пожилой дамы сбилась на левую сторону и увлекла за собой шиньон из белокурых локонов (несколько не гармонировавших с природным цветом волос), что придавало Розмари Сатклифф такой вид, будто бы она долго шла против сильного ветра.

– О, Симмонс! – произнесла тётушка Розмари со стародавическим пылом. – Я вернулась!

Дворецкий со всем возможным достоинством поклонился и, выразив свою радость по этому поводу при помощи бровей и сдержанной мимики, сделал приглашающий жест в сторону гостиной.

– А где Матиас?! – с нешуточным беспокойством спросила тётушка Розмари и тут только заметила близнецов, стоявших чуть в стороне, за раскидистой пальмой с глянцевыми листьями. – Надеюсь, он не захворал? Почему он не вышел встретить меня? Он... он что, передумал?!

Её надтреснутый голос дрожал от тревоги, слова звучали сбивчиво. На миг ей пришла в голову мысль, что письмо брата было результатом какого-то хитроумного розыгрыша, и теперь все надежды на перемену положения были для неё потеряны.

– Мы и сами ещё не видели дедушку, тётушка Розмари, – успокоительно сказала Оливия. – Симмонс сообщил, что он пока занят и присоединится к нам за ланчем.

Позволив взять себя под руку и выслушивая бессвязную историю путешествия из Йоркшира в Саффолк, Оливия проводила тётушку Розмари на второй этаж и помогла ей устроиться в крошечной, но очень светлой и приятной комнатке с окнами, выходившими в сад. Всё здесь было либо нежно-розовым, либо голубым, и эта обстановка очень подходила Розмари Сатклифф. Усевшись в высокое кресло с обивкой в мелкий цветочек и пышными рюшами по низу, пожилая дама стала похожа на одну из тряпичных викторианских куколок с фарфоровыми личиками. Сходству препятствовали только её впалые щёки и горестные

складки у рта. Осмотрев комнату, она заметно повеселела и теперь уже не выглядела такой потерянной.

Оставив тётушку приходить в себя и дав обещание попросить миссис Уоттс прислать ей чашку чая, Оливия отправилась на поиски брата. Встреча с людьми, которых она не видела тринадцать лет, вызвала волну воспоминаний, а рядом с Филиппом она всегда чувствовала себя намного спокойнее.

Однако Филиппа не было ни в его комнате, ни в холле, ни в гостиной. Совсем рядом послышался переливчатый русалочий смех, и сердце Оливии сжалось от необъяснимой обиды. Не трогаясь с места, она попыталась определить, откуда доносится смех, но все звуки уже стихли, только где-то чуть слышно скрипнула дверь, а потом отбили торопливую чечётку каблочки.

«Как в спектакле, – рассеянно подумала Оливия. – Ну совершенно как в той пьесе, что мы видели в Друри-Лейн на прошлой неделе. Роковая красotka, мужчина с печальным прошлым и молодой аристократ, которому наскучила жена. Хотя в Майкле вовсе нет ничего аристократического».

Она уже собиралась спуститься в кухню, когда в Гриффин-холл прибыл Себастьян Крэббс. Из вещей при нём был только обшарпанный фибровый чемодан, не внушивший Симмонсу никакого почтения, и связка книг, каждая из которых была самым тщательным образом обёрнута плотной бумагой.

– Источники, с которыми я работаю, – с извиняющейся улыбкой пояснил он Оливии после сердечного приветствия. – Хочу воспользоваться тишиной и уединением Гриффин-холла. Такая роскошь мне не всегда доступна, к сожалению, – и он сдержанно усмехнулся, стараясь не смотреть на Симмонса.

Когда дворецкий удалился, и они остались в холле вдвоём, Оливия, поддавшись порыву, ставшему неожиданностью для неё самой, вдруг крепко обняла Себастьяна Крэббса и тут же отступила, устыдившись такого эксцентричного проявления чувств.

Глава третья, в которой Матиас Крэббс приветствует своих гостей и вызывает у них самые разнообразные чувства

Ровно к половине первого в столовой подготовили ланч, о чём гостям сообщил протяжный звук гонга. Дворецкий Симмонс, с трудом скрывая удовольствие, прислушался к угасающим вибрациям и ударил колотушкой по бронзовому диску ещё один, последний раз.

– Боже мой, – всполошилась тётушка Розмари в своей кукольной комнатке и поставила на прикроватный столик опустевшую чашку. – Ну теперь-то, надеюсь, Матиас присоединится к нам? – задала она вопрос уотерфордскому канделябру на каминной полке.

Вивиан, находясь в библиотеке вместе с Майклом Хоггартом, тоже заметно воодушевилась.

– Старик всё никак не может избавиться от колониальных традиций, – саркастически усмехнулся Майкл. – Я удивлён, что весь этот огромный дом не заставлен инкрустированной мебелью и медной чеканной утварью. Вам, как американке, это должно казаться забавным.

– Ничуть, – с прохладцей ответила Вивиан. – Вы забываете, что наполовину я англичанка. Приверженность традициям и мне не чужда, хоть я и провела множество лет на континенте.

Она резко встала и, очень прямо держа спину, вышла из библиотеки. Молодой человек решил выждать несколько минут, прежде чем последовать за ней. Встретив на лестнице Симмонса, он спросил, стараясь казаться безразличным:

– Ожидает ли мистер Крэббс сегодня ещё гостей? Может быть, кто-нибудь присоединится к нам позже?

– Насколько я знаю, сэра, к чаю должна вернуться из Лондона мисс Белфорт. Она помогает мистеру Крэббсу в работе над мемуарами, – с непроницаемым лицом ответил дворецкий. – Больше у меня ни о ком нет сведений.

Повеселев, Майкл кивком отпустил слугу и лёгкими шагами отправился в столовую.

Гости Матиаса Крэббса рассаживались за столом, с любопытством поглядывая друг на друга. Небольшой отдых после путешествия пошёл всем на пользу, даже Грейс Хоггарт теперь не выглядела такой измученной. Малышка Полли преспокойно спала наверху, под присмотром старшей горничной Эммы, и молодая женщина наслаждалась покоем и возможностью находиться рядом с мужем. Оливия приветливо улыбнулась Грейс и в ответ получила робкую дружелюбную улыбку, которая напомнила ей о том счастливом и одновременно горестном лете, когда жизнь близнецов навсегда изменила своё течение.

Все эти люди, сидевшие за столом, были связаны родственными узами, но из-за длительной разлуки воспринимали друг друга скорее как давних знакомых. За долгие годы они не так уж часто переписывались между собой (за исключением Себастьяна и «бедняжек»), весьма приблизительно знали основные события в жизни родни и теперь пытались отыскать тему для беседы, приличествующую случаю. Кроме того, никто не знал, следует ли рассказать другим о письме, которое получил от старшего Крэббса, или лучше промолчать об этом.

Тётушка Розмари нервничала больше всех. Она находилась в Гриффин-холле уже несколько часов, а брат так и не нашёл времени, чтобы поприветствовать её. Может, Матиас Крэббс и был эксцентричным джентльменом, но хорошие манеры ему никогда не изменяли. Безусловно, такое пренебрежение нормами гостеприимства было весьма скверным признаком, и от этой мысли пожилая дама горько вздохнула. Даже расходы на дорогу до Грейт-Бьюли поколебали её сверх всякой меры скромный бюджет, и если за намёками Матиаса о вознаграждении ничего не стоит, то она попадёт в крайне неприятное положение. На миг в её душе шевельнулась злоба. Она, Розмари Сатклифф, единоутробная сестра, которую он не видел тринадцать лет, ждёт от него подачки и позволяет изводить себя неизвестностью. Да, мир определённо уже не тот, что прежде.

Подали яйца по-шотландски. Себастьян Крэббс, которого с самого утра терзал мучительный голод (деньги на еду кончились ещё вчера, поэтому ужин и завтрак ему пришлось пропустить), с грустью посмотрел на пустой стул во главе стола. Этот взгляд так же, как и болезненный вид постоянно недоедающего человека, не укрылся от внимания близнецов.

Напряжение за столом всё возрастало, и Вивиан, потеряв терпение, решительно поднялась со стула, скомкала льняную салфетку и бросила её возле пустой тарелки.

– Ну вот что, – твёрдо произнесла она, стараясь не смотреть на Симмонса. – Я пойду к дедушке Матиасу и прямо спрошу его, собирается ли он спуститься к ланчу и повидаться со своими гостями.

В голосе её звучала решимость, но не успела она договорить, как двустворчатые двери за пустующим стулом отворились, и в столовую вошёл Матиас Крэббс. Опираясь на трость, он сделал несколько шагов и замер с удивлённой улыбкой, покачивая головой, словно бы в восхищении.

Одарив каждого гостя внимательным тёплым взглядом, хозяин сел и одобрительно прищёлкнул языком.

– До чего же приятно видеть вас всех, – голос его слегка дрожал, как у старого человека, который много времени проводит в одиночестве. – Я так рад, что вы смогли меня навестить, – он ещё раз обвёл взглядом всех присутствующих, и тётушке Розмари на миг показалось, что его глаза увлажнились.

Все сбивчиво принялись благодарить старшего Крэббса за возможность вновь посетить Гриффин-холл и чудесное побережье Восточной Англии, но он жестом попросил гостей умолкнуть и, смущённо откашлявшись, продолжил:

– Долгие годы я преступно пренебрегал родственными связями. Да-да, преступно! Но в последнее время я так много думал об этом, – и он сокрушённо покачал головой. – Время – беспощадное явление. И у каждого, должно быть, наступает момент, когда становится совершенно необходимо признать свои ошибки. Признать и попытаться искупить их, пока не стало слишком поздно.

В наступившей тишине отчётливо слышалось всхлипывание растроганной тётушки Розмари. Она, смяв в руках, покрытых старческими пятнами, тонкий кружевной платочек, с благовоением обожанием смотрела на брата.

Матиас Крэббс с неудовольствием покосился на неё и продолжил:

– И вот, когда я осознал, что главную ценность в этом мире представляют родные люди, родная кровь – «плоть от плоти моей, кость от костей моих», – некстати процитировал он писание, – то решил собрать всех вас под крышей моей скромной обители, дабы воздать вам всем за долгие годы нашей разлуки.

Каждый из вас, получив от меня письмо с приглашением явиться...

«Вот ведь велеречивый старый осёл! – подумал в этот момент Майкл Хоггарт. – Сидит на мешке с деньгами и распинается о духовных ценностях. Интересно, речь идёт о паре сотен фунтов или о чём-либо более серьёзном?»

Оливия и Филипп, сидевшие напротив, не сговариваясь, окинули его такими пронизательными взглядами, как если бы он произнёс эти слова вслух.

– ...А сейчас предлагаю отдать должное мастерству миссис Гилмор, которой не так уж часто выпадает возможность проявить свои таланты в полной мере, – закончил речь старший Крэббс, и гости встретили его предложение с искренним воодушевлением.

Напряжение последних часов испарилось, все сбросили с плеч незримую тяжесть. По распоряжению Матиаса Крэббса к столу подали лёгкое вино, и в перестуке вилок и ножей слышалось что-то праздничное и настоящее, будто за столом и правда собрались родные и равнодушные друг к другу люди. Хозяин вовлёк в общую беседу даже молчаливого Себастьяна, с подкупающей теплотой расспрашивая сына о его литературных трудах. У Грейс, захмелевшей с непривычки, он с искренним интересом выпытывал подробности первых месяцев жизни Полли, и выслушивал путанные рассказы сестры, и успевал отпускать одобрителльные замечания близнецам – словом, старший Крэббс с величайшим тактом старался, чтобы каждый из гостей почувствовал себя частью обширной семьи.

Сквозь трещину в облаках прорвалось солнце, осветив столовую с яростной стихийной силой, и на белоснежной скатерти задрожали леденцовые озёрца, которые отбрасывали старинные бокалы зелёного стекла.

Выбор блюд для ланча тоже был выше всяких похвал – за яйцами по-шотландски последовали баранина с мятным соусом и медовое мороженое. Гости Матиаса Крэббса, все без исключения, находились в самом приятном расположении духа. Даже Филипп, с момента прибытия в Гриффин-холл державшийся скованно и нервозно (что, впрочем, было известно только Оливии, так превосходно он умел скрывать свои истинные чувства от окружающих), расслабился и сразу стал выглядеть моложе и беззаботнее.

Оливии вспомнилось, каким он был тринадцать лет назад, в то лето, которое они провели в поместье. Тощий, вихрастый, с веснушчатым лицом, на котором не было и следа этой сводившей её с ума настороженной сосредоточенности. Филипп тогда буквально бредил авиацией, повсюду таская с собой альбом и в любую свободную минуту зарисовывая в него «верблюдов» и «файтеров», грешивших непропорциональностью деталей и усовершенствованных самым причудливым образом – сверхмощными пропеллерами, моторами, огромными крыльями – всем, что могла подсказать неистощимая фантазия десятилетнего мальчишки[4 - Верблюды, файтеры – самолёты-истребители времён Первой мировой войны.].

Сконструировав при помощи сыромятных ремней, найденных в лодочном сарае, хитроумную систему тяжей и приладив её к самым прочным ветвям старого дуба, он умудрялся фиксировать в ней своё костлявое тело и часами «летать» в нескольких ярдах от земли, отталкиваясь от ствола исцарапанными ногами и больше походя на гигантскую летучую мышь, чем на истребитель-низкоплан.

Оливия и Грейс в такие моменты чувствовали изрядное облегчение, в чём не решались признаваться даже друг другу. Будучи бесспорным лидером их тройственного союза, Филипп жестоко страдал от необходимости целое лето провести с двумя девочками, пусть они и не грешили скверной девчоночьей напастью – пристрастием к ябедничеству, жеманностью и слезливостью. Тем не менее тихие радости вроде чтения книг или перелистывания толстых альбомов, найденных на чердаке, шитья кукольных платьев и тому подобных бесславных способов времяпрепровождения подлежали немедленному категорическому осуждению.

Они были по-настоящему счастливы в то лето. Больше никогда близнецы не испытывали такого всепоглощающего довольства жизнью и веры в мудрость взрослых и справедливость мироустройства. Наблюдая за Грейс Хоггарт, Оливия поняла, что кузина тоже разучилась испытывать тот детский восторг, благодаря которому черты её хоть и некрасивого, но по-своему милого лица озарялись светлой улыбкой.

Сейчас она хмуро надзирала за мужем, флиртующим с Вивиан.

– Не представляю, как это вы упустили шанс услышать самого Денни Денниса, – покачал головой Майкл с притворным сочувствием. – Это же неслыханно! Вам просто нечего будет рассказать друзьям у себя в Америке. Повезло вам, Вивиан,

что мы с Грейси такие сердобольные. Возвращайтесь-ка в понедельник с нами в Лондон, и мы, так и быть, поведём вас развлекаться. Правда, Грейси? – обратился он к жене, не сводя жадного взгляда с Вивиан, раскрасневшейся от вина и ухаживаний.

– Ты, наверное, позабыл, что по вечерам мне совершенно не с кем оставить Полли, – с готовностью, будто ждала этого момента, язвительно ответила Грейс.

Майкл досадливо поморщился и бросил на жену тоскливый взгляд.

Внезапно Филипп светским тоном поинтересовался у Вивиан:

– Не составите ли нам с сестрой компанию? Мы собираемся прогуляться после ланча к морю. Погода, судя по всему, наладилась. Такие прогулки очень освежают, вы не находите?

Оливия во все глаза уставилась на брата, даже не скрывая, что пребывает в полном неведении относительно такого плана. Вивиан же, наслаждаясь ажиотажем вокруг своей персоны, звонко расхохоталась. В этом смехе переплелись и женское превосходство, и радость жизни, и ликующая хвала юности, беспечности и красоте. Она смеялась так заразительно, что даже Себастьян Крэббс растянул бледные губы в нерешительной улыбке, даже тётушка Розмари отвлеклась от десерта, который смаковала с детским восторгом.

Ланч подошёл к завершению, но никто не спешил расходиться. Благостная атмосфера сменилась томительным ожиданием. Присутствующие время от времени кидали на Матиаса Крэббса вопрошающие взгляды, но тот вовсе не торопился объявлять свою волю.

Наконец, гости встали, маскируя разочарование и с фальшивым оживлением обсуждая всякие пустяки.

Как только выдалась удобная минутка, Оливия тут же утащила брата подальше от столовой и набросилась на него с упрёками:

– Что это взбрело тебе в голову, Филипп? Ты даже не спросил меня, хочу ли я прогуливаться с этой особой. Вот не думала, что ты тоже попадешься на удочку американской кузины. Да она же едва не мурлычет от удовольствия, наблюдая, как вы с Майклом въётеесь вокруг неё!

– Ну ты и злюка, Олив. Может, попробуешь догадаться, зачем я так поступил?

Оливия, поджав губы, изучающе смотрела на брата.

– На самом деле я хотел увести её от Хоггартов, чтобы раньше времени не нарушать атмосферу семейного воссоединения, – продолжил он серьёзным тоном. – Кузина Грейс вот-вот взорвётся. Похоже, внимание, которое оказывает Майкл хорошеньким девушкам, заставляет её терять самообладание. Ещё немного, и грянет скандал, а, насколько я помню привычки дедушки Крэббса, свой покой он ценит превыше всего.

В подтверждение его слов совсем рядом с близнецами прозвучали чьи-то сбивчивые шаги, и тут же раздались приглушённые голоса. Филипп слегка толкнул Оливию в сторону коридора и сам тоже предпочёл остаться незамеченным.

– Ты даже не пыталась быть любезной, Грейс! – голос Майкла был так холоден, просто беспощаден. – Твоё поведение даже вежливым трудно назвать. Скажи, почему ты всегда умудряешься испортить всем настроение? Вечно эти твои нелепые подозрения, бесконечные придирки. Ты просто изматываешь...

– А мне надоело, что ты вечно делаешь из меня дурочку, Майкл! – в голосе Грейс слышались близкие слёзы. – Хотя бы здесь, в доме моего деда, ты можешь вести себя прилично? Как, по-твоему, я должна идти к нему и просить денег для тебя, если он видел, что ты готов флиртовать с каждой расфуфыренной куклой, которая оказывается рядом с тобой?

Разговор принимал серьёзный оборот, но тут беседу супругов прервал звонкий детский крик – малышка Полли возвещала миру о том, что она проснулась.

Глава четвёртая, в которой и Грейс Хоггарт, и Вивиан Крэббс постигает жестокое разочарование

Как ни желал Филипп сохранить мирную атмосферу в Гриффин-холле, скандал всё же разразился. Его отголоски близнецы застали, вернувшись с прогулки.

Погода, так многое сулившая утром, испортилась, порывистый ветер нагнал грозовые тучи со рваными краями. Запахло близким дождём. Филипп предложил вернуться в дом, пока не разразилась ливень, и близнецы торопливо зашагали в обратном направлении, увязая в смеси мокрого песка и гальки.

Холодный ветер подгонял их в спину, тучи всё приближались, будто гнались за ними, и, чтобы не вымокнуть, чувствуя азарт, как в детстве, и жадно впитывая всё окружающее – гортанные вопли крачек, гнездившихся на берегу, желтоватую пену у кромки прибоя, вересковые пустоши, лежавшие тёмной волной там, дальше, над побережьем, – им пришлось бежать. На бегу Филипп взял сестру за руку, и на несколько мгновений прошедшие годы исчезли, растворились в птичьих криках и запахе водорослей, и близнецы вновь стали десятилетними.

У Оливии по дороге покривился каблучок, и она нешуточно расстроилась – это были единственные её приличные туфли. Запыхавшись, близнецы вошли в дом, и тут же им навстречу выбежала заплаканная Грейс. Её обычно бледное лицо покраснелось то ли от гнева, то ли от сильной обиды, губы кривились от сдерживаемых рыданий. Откуда-то из глубины дома доносились приглушённые крики, но кому они принадлежали, распознать было невозможно.

Чуть не налетев на Филиппа, Грейс вспыхнула и, громко всхлипнув, бросилась к раскрытой настежь двери, ведущей в сад. В нерешительности постояв минуту, Оливия направилась было туда же, но тут в холл быстрыми шагами, морщась от боли из-за плохо подогнанного протеза, вошёл Себастьян Крэббс.

– Что произошло? – отрывисто спросил Филипп, чувствуя, как внутри закипает гнев, обращённый на Майкла.

После прогулки по тем местам, что тринадцать лет назад служили для их троицы плацдармом для игр и сражений, Филипп будто снова ощутил

ответственность за своё маленькое войско. К тому же женские слёзы всегда будили в нём сильные чувства. Когда отец близнецов сбежал, их мать, Изабелла Крэббс, женщина, на чью долю выпали суровые испытания, проливала столько слёз, что ими можно было заполнить целое озеро, и маленький Филипп отчаянно пытался стать для неё опорой, в которой она так нуждалась.

- Так что случилось, дядя Себастьян? - повторил он.

- Там... - Себастьян неопределённо махнул рукой куда-то за спину, - в лаборатории. Что-то произошло между ними. Я толком и не знаю. Подошёл, когда всё уже было кончено.

- В лаборатории? - непонимающе переспросила Оливия.

- Бабочки, - лаконично объяснил Себастьян Крэббс. - Там у отца энтомологическая коллекция. И инвентарь. Сачки, морилки и тому подобное. Они были там с Грейс, он показывал ей насекомых. Я работал в библиотеке. Решил побереечь ногу и не подниматься в свою комнату, - и он смущённо улыбнулся.

- Так это не из-за Майкла? - недоверчиво спросил Филипп в растерянности.

Себастьян Крэббс отрицательно помотал головой.

- Нет, Майкл здесь ни при чём. Его вообще нет в доме, отправился на прогулку.

- Дайте-ка, угадаю! - Филипп прищёлкнул пальцами: - С Вивиан?

Себастьян, незаметно перенеся вес тела на здоровую ногу, сдержанно кивнул.

- Значит, скандал разразился между Грейс и дедушкой Матиасом?

Близнецы в недоумении переглянулись.

- Всё же было так спокойно. И даже мило. Мне показалось, что дедушка и в самом деле рад нас всех видеть, - растерянно произнесла Оливия.

– Как я понял, – осторожно произнёс Себастьян, – ссора вышла из-за какой-то просьбы, с которой Грейс обратилась к отцу. Когда она выбежала из лаборатории, и дверь открылась, то до меня донеслось что-то вроде: «Стервятники! Вы все готовы по частям растащить Гриффин-холл, не дожидаясь моей смерти!»

– Стервятники?! – переспросил Филипп, в недоумении приподняв одну бровь. – А кого конкретно дедушка Матиас имел...

Заметив свирепую гримасу на лице сестры, он осекся и резко обернулся. Через двери, ведущие в сад, в холл неслышными шагами вошла Грейс Хоггарт. Её широкоскулое лицо было совершенно невозмутимым, только припухшие веки выдавали недавние слёзы. Намокшие волосы облепили крупную голову, тёмно-коричневое платье насквозь пропиталось водой и казалось почти чёрным, будто у вдовы. Беспомощно свесив руки по сторонам своего полноватого тела, Грейс смотрела на собравшихся в холле со спокойствием Мадонны, и от этой её бесстрастности Оливию почему-то пробрала дрожь.

Никто не смог подобрать нужных слов. В полной тишине, нарушаемой только шумом ливня за стенами дома, Грейс вступила на лестницу и медленно начала подниматься, внимательно глядя себе под ноги и оставляя мокрые следы на ступенях из благородного дуба.

* * *

Дождь так уютно барабанил по крыше над кукольной комнаткой тётушки Розмари, что пожилая леди не нашла в себе сил сопротивляться блаженной дремоте. С удобством расположившись в широком кресле, среди атласных подушек, она прикрыла глаза и теперь наслаждалась восхитительными ощущениями, охватившими её тело после такого роскошного ланча. Давненько она не пробовала столь изысканных блюд. А вино!.. Её брату чрезвычайно повезло, кухарка у него превосходная. Стараясь не думать о том, в какую сумму обошлась старшему Крэббсу трапеза, тётушка Розмари сбросила вышитые шёлковой гладью домашние туфли и удовлетворённо вздохнула.

Она уже успела погрузиться в лёгкое забытие, где ей что-то говорил улыбающийся всадник на гнедой лошади – и улыбка его была такой мягкой, такой понимающей, совсем как у Аллана, – но вдруг дверь её комнаты дрогнула,

и почти сразу же в коридоре послышался приглушённый женский смех, а после настойчивый басовитый рокот.

Розмари Сатклифф с неудовольствием вздохнула, пытаясь задержать видение (теперь-то она уверилась, что всадником был Аллан, просто его лицо выглядело намного старше, чем на той фотокарточке, которую он прислал ей незадолго до своей гибели), но в коридоре снова вспыхнул бархатистый воркующий хохоток.

Где-то рядом оглушительно хлопнула дверь. Смех и разговоры тут же смолкли, кто-то торопливо пробежал (шаги были такими лёгкими, словно принадлежали ребёнку), и в коридоре стало тихо. Губы пожилой леди тронула мечтательная улыбка, и тётушка Розмари вновь скользнула в упоительный сон, где Аллан был жив, а она ещё молода и ничего не знала о предстоящих потерях.

Не подозревая, что их с Майклом возвращение с прогулки помешало тётушке Розмари предаваться сладостным грёзам, Вивиан Крэббс медленно прикрыла за собой дверь. Надо же, как не вовремя дядя Себастьян решил выглянуть в коридор. Следует признать, что из этого могла получиться неловкая ситуация.

Вивиан строго напомнила себе, ради чего она приехала в Гриффин-холл. Прежде всего – дело, а потом уже развлечения. Да и не интересует её особенно этот Майкл Хоггарт. Мужья бесцветных сварливых жён, конечно, добыча лёгкая, но нисколько не соблазнительная. Намного больший интерес вызывал у неё кузен Филипп. Высокий, широкоплечий, с этой его загадочной усмешкой и таким видом, словно он постоянно начеку и готов к любой неожиданности. Было в нём нечто волнующее, что-то такое, отчего хотелось подойти ближе, заговорить, привлечь к себе его внимание.

Стащив промокший насквозь прогулочный костюм, Вивиан с отвращением свернула его и нетерпеливо дёрнула за сонетку. Взглянула в зеркало на туалетном столике и ужаснулась тому, как выглядит. От причёски остались только воспоминания, ливень не оставил аккуратным локонам, превращавшим её в белокурого ангела, ни единого шанса. Зато глаза озорно сияли, а щёки розовели без всяких на то ухищрений.

Вивиан больше не собиралась смиренно ждать, пока Матиас Крэббс прекратит держать всех в неведении относительно своей воли и вручит загадочное вознаграждение каждому из родственников. Она была сыта по горло и

причудами своего английского деда, и унылой разношёрстной роднёй, и домом с его старомодным уютом, и даже Англией. Ей необходимо завтра же покинуть графство Саффолк, заскочить на несколько дней в Лондон и отправиться домой, в Америку. Пусть остальные сидят за бесконечными завтраками, ланчами и обедами, разглагольствуют об истинных британских ценностях и заглядывают дедушке в рот, прикидываясь сплочённой семьёй. Ей всё это без надобности, ведь у неё особые отношения со старшим Крэббсом.

В дверь постучали. Вивиан отдала влажный свёрток веснушчатой горничной, поинтересовалась, где находится Матиас Крэббс, и торопливо начала приводить себя в порядок.

Лаборатория, о которой дед вчера обронил пару слов, представлялась Вивиан идеальным местом для её целей. Во-первых, в тоне старшего Крэббса сквозило плохо скрытое самодовольство, а это значит, что потрафить ему будет несложно. Во-вторых, именно там она сможет без помех рассказать старику о своих денежных затруднениях (разумеется, не вдаваясь в подробности) и получить необходимую сумму из своего содержания авансом.

Мурлыкая один из тех мотивчиков, что так любят бродвейские антрепренёры мюзиклов, она тщательно промокнула влажные волосы полотенцем и уложила их в массивный узел на затылке. Чуть припудрила лицо, самую чуточку подкрасила губы помадой модного в этом сезоне оттенка «Малиновый дьявол» и, придирчиво осмотрев своё отражение, осталась довольна увиденным. Спускаясь на первый этаж, Вивиан, в полосатом свитере и плиссированной юбке от Жана Пату, чувствовала себя обворожительной и была полна решимости завершить то, ради чего приехала в Гриффин-холл.

Ни в коридоре, ни на лестнице не было никого, только из холла доносились приглушённые голоса. Стараясь ступать на носочки, чтобы стук каблуков её не выдал, Вивиан прошла через библиотеку и прислушалась.

«...всех спасти, всех обогреть. Да как ты не понимаешь, что вмешиваться в дела других людей недопустимо?! Чужая жалость ранит, разве ты не помнишь?..»

Спорили близнецы, причём Вивиан поразились тому, какая неприкрытая страстность звучала в голосе Оливии Адамсон. Надо же, а выглядит, как истовая пресвитерианка.

Так же осторожно, крадучись, девушка пошла обратно и завернула в узкий коридорчик. Дверь лаборатории была полуоткрыта, но она всё равно дробно постучала латунным дверным молоточком.

- Кто там ещё? - тут же послышался сердитый голос Матиаса Крэббса.

- Это я, дедушка, - кротко ответила Вивиан, появляясь на пороге.

- А, это ты, Вивиан, милая, - лицо старшего Крэббса чуть разгладилось. - Входи, входи, не стой на пороге. Я тут, понимаешь, задумался кое о чём, и совсем позабыл, что вчера пообещал тебе показать своё собрание.

Оттого, что дед ей рад, и её приход, кажется, отвлек его от неприятных мыслей, Вивиан приободрилась.

- Да, дедушка, я так и поняла, поэтому решила сама напомнить. Обидно будет уехать обратно в Америку и так и не увидеть вашу знаменитую коллекцию.

- Какая же ты всё-таки куколка, милая! - искренне восхитился Матиас Крэббс, с удовольствием разглядывая довольно смелый для британских вкусов наряд Вивиан. - Не то что эта квёлая Грейс, которой хватило её куриного умишка только на то, чтобы выйти замуж за белобрысого прощелыгу без роду и без племени. И с таким вкусом ты одета! Ну, это у тебя от матери. Что-что, а умение себя подать у Кэролайн не отнимешь. Хотя, знаешь, и Генри был настоящим щеголем. Видела бы ты их на приеме в честь бракосочетания! Оба - как с модной картинки. Молодые, полные жизни. Напомни мне потом, чтобы я показал тебе альбом с фотографиями за 1912 год.

Вивиан послушно кивнула, внутренне досадуя на неуместную словоохотливость деда и молясь про себя, чтобы поток воспоминаний о тех временах, когда её ещё и на свете не было, как можно скорее иссяк.

Однако Матиасу Крэббсу не так часто выпадала возможность похвастаться своей внушительной коллекцией, равно как и побеседовать о давно минувших днях. Со сводящей Вивиан с ума размеренностью он обстоятельно поведал ей пару забавных семейных баек из детства Генри, а после, галантно предложив согнутую в локте руку, принялся водить её по лаборатории, надолго останавливаясь у застеклённых витрин и подробно рассказывая о каждом

экземпляре.

В коллекции старшего Крэббса были в основном самые обычные, ничем не примечательные представители местных разновидностей чешуекрылых, но встречались и удивительно красивые экспонаты, и несколько редких подвидов. Однако Вивиан ни о чём не говорили названия *Vanessa atalanta rubria* или *Melitaea pallas*, для неё, с детства считавшей всех насекомых надоедливymi и несимпатичными тварями, сохлые трупики бабочек, нашедших свою смерть в морилке с цианистым калием, были донельзя отвратительны.

С каждой минутой ей становилось всё сложнее выказывать искренний интерес к энтомологии, с каждым шагом её голова всё сильнее наливалась свинцовой тяжестью от всех этих бесконечных рассказов о преследовании особо резвой *Hammaris lucina* или неудачи с обработкой *Fabriciana adippe*.

Наконец она сообразила: повторялась ровно та же история, что и во время вчерашнего ужина. Старший Крэббс вновь завладел беседой и не давал ей вставить ни слова, пресекая малейшие попытки перевести разговор на интересующую её тему.

«Да что с ним такое, в самом-то деле! – гневно вскричала про себя Вивиан. – Я второй день кряду слушаю истории старикана, а к цели не приблизилась и на дюйм! Старый хрыч просто водит меня за нос!»

Досада на старшего Крэббса заглушила хорошее воспитание, которое Вивиан получила в итальянском пансионе строгой сеньоры Пресенте. Темперамент девушки требовал немедленных решительных действий, и она, потеряв самообладание, повернулась к деду, прервав его увлекательный рассказ о метаморфозах *Limenitis camilla*.

– Прошу прощения, дедушка, но мне необходимо поговорить с вами о крайне серьёзном деле.

Вивиан порадовалась, что её голос прозвучал буднично, без умоляющих или гневных ноток.

– Что ж, тогда присядем, – ответил он довольно сухо.

Освободив для неё место за большим столом, на котором вперемешку с картонными обрезками, булавками и увеличительными стёклами лежали толстые полураскрытые книги с цветными рисунками, выполненными тонким пером, Матиас Крэббс уселся напротив и выжидающе уставился на внучку. У Вивиан участилось сердцебиение. Сотню раз она представляла, как легко и даже небрежно попросит деда об одолжении, и он, как истинный джентльмен, не требуя никаких унижительных объяснений, выпишет для неё чек. Ну, может, пожурит её слегка за транжирство в своей ироничной манере.

Однако всё пошло совсем не так, как она предполагала, и сумма, которую она ранее считала вовсе не обременительной для старого Крэббса, теперь показалась ей весьма солидной, а все подготовленные заранее шуточные слова поблёкли и превратились в шелуху.

– Так о чём же ты, милая, хотела поговорить со мной? – в голосе деда напряжённая Вивиан уловила саркастические нотки. – Речь пойдёт о переезде в отчий дом твоего отца? Если так, то в Гриффин-холле тебе всегда рады, и ты это отлично знаешь. В этом всё дело?

– Нет, дедушка, всё не так, – покачала головой Вивиан и, запинаясь, продолжила: – Дело... дело в том, что я задолжала одним серьёзным людям крупную сумму. Так уж вышло, понимаете? У меня не было... не было другого выхода, вы понимаете?

Дед продолжал смотреть на неё в упор. Вивиан с тревогой наблюдала, как меняется его лицо. Ласковая улыбка исчезла, на щеках проступили красные пятна.

Торопясь объяснить всю важность своевременного возвращения долга, она сбилась, и в голосе её появились заискивающие нотки:

– И дело при этом очень срочное, дедушка! Они... Эти люди... Они ясно дали понять, что долг необходимо вернуть как можно скорее. Я даже думать боюсь, что будет, если я не смогу достать денег!.. Понимаете, всё очень, очень...

Из горла Матиаса Крэббса вырвалось клокотание, и Вивиан испугалась, что старика сейчас хватит удар. Он вскочил на ноги, наливаясь горячечным румянцем, и, вперив в неё указательный палец, силился что-то произнести.

– Дедушка, вам нездоровится? – с неподдельным ужасом спросила Вивиан. – Принести вам воды? Позвать Симмонса или миссис Уоттс?

– Ничего мне не надо! – гаркнул ей прямо в лицо разъярённый Матиас Крэббс. – Я хочу лишь одного: чтобы у меня прекратили клянчить деньги! Стервятники! Все вы только и ждёте моей смерти! Сидите там, у себя, и потираете руки в ожидании, когда старый Крэббс сыграет в ящик. Надеетесь на жирный куш! А я-то, старый дурак, решил, что смогу возродить семейные связи, снова объединить клан Крэббсов. Радовался, что все собрались под крышей Гриффин-холла. А на деле каждому из вас только подачка от меня и нужна! Стервятники! Все вы, до единого!

Услышав слово «подачка», Вивиан вспыхнула, её шею залила краска. Медленно поднявшись, она постаралась унять яростную обиду.

– Да, дедушка, вы правы, я жалкая попрошайка, протянувшая руку за подачкой, – голос её дрожал, но лицо было спокойным, хотя и мертвенно-бледным. – Я попала в скверную историю исключительно по собственной глупости. Я обратилась к вам, как к единственному человеку, который может мне помочь. Вы знаете маму. Её... её сложно назвать отзывчивой. И деньги у неё не задерживаются, так и утекают сквозь пальцы. И приехала я только потому, что вы позволили мне думать, будто я значу для вас больше, чем все остальные. Если бы у меня была надежда получить эти деньги у кого-нибудь другого, то вы бы даже не узнали о моём затруднении. Но ваших оскорблений я всё же не заслуживаю. Прошу меня извинить.

С этими словами Вивиан вышла из лаборатории, стараясь держать спину очень прямо, а голову высоко. Она ничего не видела перед собой от застилавшей глаза мутной пелены. «Всё кончено, всё кончено» – билась в её голове одна мысль. Механически переставляя ноги, девушка прошла через библиотеку и, уже войдя в холл, поняла свою ошибку.

Близнецы до сих пор были там. Увидев Вивиан, они совершенно одинаково воззрились на кузину, будто она превратилась в привидение или у неё вместо головы вырос куст. Хуже того, рядом с ними стоял тот надоедливый фермер, с которым она вчера ехала в одном поезде.

Что они здесь делают столько времени? И что они слышали? Старый Крэббс вопил как пароходная сирена, и, должно быть, теперь весь Гриффин-холл в курсе, что она клянчила у него деньги. Вскинув голову ещё выше, Вивиан холодно кивнула мистеру Как-его-там, ещё одним небрежным кивком удостоила близнецов и принялась подниматься по лестнице, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и силы покинут её.

Глава пятая, в которой послеполуденное чаепитие не обещает быть приятным

О том, что произошло в лаборатории старого Крэббса сначала при участии Грейс, а после Вивиан, в доме знали все, кроме тётушки Розмари. Пожилая леди самым приятным образом вздремнула после ланча и теперь была полна бодрости.

С экзальтацией, свойственной старым девам, она без умолку рассказывала всем, кто собрался в гостиной, про свой маленький садик и чудесные розы, которые в этом году превзошли все ожидания и удостоились похвалы придирчивой жены викария. Себастьян и близнецы рассеянно внимали ей в ожидании чая.

Хмурая Вивиан с очень прямой спиной сидела чуть в стороне от остальных. Бесперывная и пустая болтовня тётушки Розмари сводила её с ума. Она непроизвольно стиснула зубы и сразу же поймала пронизательный взгляд Оливии.

Если Филиппа Вивиан считала чрезвычайно привлекательным, то к кухне Адамсон она, напротив, не испытывала никаких тёплых чувств. Девушка ещё при знакомстве показалась ей чопорной и высокомерной. Светлая кожа истинно английского оттенка, тонкие черты лица и серо-голубые, какие-то льдистые глаза в сочетании с блестящими каштановыми волосами, как ни странно, не превращали кузину в ослепительную красавицу. Виной этому, возможно, было её чересчур серьёзное выражение лица, такое, будто она прислушивалась к чему-то или пыталась вспомнить нечто очень важное для себя. Замкнутость и холодное самообладание всегда отталкивали Вивиан, привыкшую к свободному изъявлению чувств, и не вызвали желаний близко сойтись со своей английской родственницей, хоть они и были ровесницами.

Старшая горничная, Эмма, внесла в гостиную тяжёлый серебряный поднос и принялась сервировать стол для чаепития. Тётушка Розмари заворожённо, как ребёнок, разглядывала этажерки с крохотными пирожными в глазури, горячими овсяными лепёшками и безупречными сэндвичами, выложенными аккуратной башенкой. Закончив, горничная с достоинством произнесла: «Мистер Крэббс сейчас спустится к гостям», – и удалилась быстрыми шагами.

– Нет ничего лучше в такой промозглый день, чем выпить чашку крепкого чая с домашней выпечкой, – сияя, объявила тётушка Розмари и обвела взглядом присутствующих.

Она не понимала, почему все собравшиеся в гостиной так угрюмы. По устоявшемуся мнению пожилой леди, современная молодёжь несколько не умела радоваться жизни и её простым дарам. Возможно, причиной тому прогремевшая война, разрушившая тысячи семей и лишившая множество детей права на подобающее воспитание. Взять хоть малышку Полли, чьи яростные крики выдавали полнейшее неумение её матери справиться с капризами ребёнка. Грейс явно не до конца понимала свои материнские обязанности, но в этом её трудно было винить, ведь бедняжка так рано потеряла обоих родителей.

Сумбурные мысли тётушки Розмари прервало появление Матиаса Крэббса. Опираясь всем весом на трость, он тяжёлыми шагами преодолел пространство гостиной и грузно опустился в кресло. Брови его были мрачно сдвинуты, на лбу собрались морщины. Тем не менее голос его прозвучал крайне оживлённо, когда он обратился к сестре:

– Я так благодарен тебе, дорогая Розмари, что ты нашла время навестить меня. В конце концов, мы с тобой не понаслышке знаем, что это такое, когда за спиной оказывается больше лет, чем впереди. Радуешься каждой малости, что ещё может обогреть душу и стать утешением на закате дней.

Матиас Крэббс глубокомысленно вздохнул и, наклонившись к сестре, легонько похлопал её по руке. Тётушка Розмари покраснела от такой неожиданной ласки и преисполнилась отчаянной надежды, которую не смогло омрачить даже неучитливое напоминание о её возрасте.

– Молодым и невдомёк пока, как быстро пролетает жизнь, – с ласковой укоризной продолжил старый Крэббс, но тут же с извиняющимся смешком

оборвал сам себя: – Но не будем навевать на всех тоску стариковскими историями. Вивиан, милая, не сочти за труд, побудь за хозяйку и налей всем по чашке чая.

Вивиан холодно улыбнулась и взялась за тяжёлый серебряный чайник. Филипп попытался прийти к ней на помощь, но Матиас Крэббс неожиданно для всех прикрикнул на него:

– Не стоит, молодой человек! Она прекрасно справится и сама. В конце концов, скоро наступит время, когда ей доведётся стать хозяйкой собственного дома.

Вивиан послушно принялась наполнять чашки и передавать их гостям. На какое-то время установилось молчание, нарушаемое треском поленьев в камине и звоном фарфора, однако продлилось оно недолго. По неизвестной причине Матиаса Крэббса вновь одолело мрачное расположение духа.

– А где же Грейс и Майкл? – спросил он рассеянно, принимая от Вивиан, старавшейся на него не смотреть, чашку с чаем и тарелочку с лепёшками и сэндвичами. – Гонг прозвучал ещё десять минут назад.

– Я видела Грейс, когда спускалась. Она направлялась в лабораторию, – услужливо подсказала тётушка Розмари, стараясь быть полезной.

– Не представляю, что ей там могло понадобиться, – нахмурился Матиас Крэббс. – Хочу заметить, что в этом доме принято соблюдать распорядок дня. Это правило распространяется и на...

– А вот и Грейс, – миролюбиво заметила тётушка Розмари, когда девушка робко вошла в гостиную. – О, ты стала так похожа на свою мать! Правда, Матиас, Грейс просто вылитая Патриция?!

– Не вижу особого сходства. Моей покойной дочери хватило ума удачно выйти замуж, – громко и отчётливо произнёс старый Крэббс, вытирая руки полотняной салфеткой. – Грейс этим похвастаться никак не может. Её отец, Джеффри Бедфорд, происходил из уважаемой семьи и был удостоен воинских почестей после геройской смерти на поле боя. А Грейс вынуждена самостоятельно устраивать дела своего легкомысленного мужа, чтобы сохранить неудавшийся брак.

Такое неожиданное заявление застало всех врасплох. Чашка в руке Грейс дрогнула, и чай выплеснулся на платье.

Пытаясь сгладить неловкость, тётушка Розмари проговорила дрожащим голосом:

– Война... Столько изломанных судеб. Как подумаешь, что пришлось пережить всем...

Матиас Крэббс бросил на сестру пронизывающий взгляд.

– Да-а-а, – протянул он задумчиво, откидываясь в кресле. – Кто-то погибает на войне с честью и удостоивается наград. Это служит утешением его семье. А кому-то, как, например, Аллану Уоллесу, недостаёт ума добраться до линии фронта. Помнишь такого, Розмари? Он вроде бы ухаживал за тобой перед началом войны. Сын разорившегося виконта, который пытался спасти поместье тем, что собирался разводить породистых свиней. Именно я способствовал тому, чтобы этот недотёпа попал на фронт и принёс пользу своей стране, а не отсиживался в свинарнике. Переговорил кое с кем в нужное время. Только без толку – Уоллес свалился в окоп и сломал шею, даже не добравшись до передовой. Глупость несусветная, конечно, да что поделать. Думаю, оно и к лучшему, пользы на фронте от него не было бы никакой.

Тётушка Розмари всё это время, пока Матиас Крэббс рассказывал о судьбе несчастного, молча смотрела на брата, и по лицу её невозможно было ничего прочесть. Она не говорила ни слова, взгляд её был непроницаем. Чай стыл в её чашке, но она не сделала ни глотка с того момента, как в гостиной прозвучало имя Аллана Уоллеса.

Когда старый Крэббс закончил свою обличительную, наполненную издевательским сарказмом речь, у тётушки Розмари как-то странно искривились губы, и она охрипшим голосом произнесла:

– Но это же неправда! Он пошёл на фронт добровольцем. Я это точно знаю. Аллан сам мне об этом говорил.

– Как же! – усмехнулся Матиас Крэббс с непонятым злорадством. – Да его чуть ли не силком пришлось тащить. Позор, да и только. Старого Уоллеса именно это и подкосило. Слёг, и больше не вставал. И я его понимаю – каково это, когда собственные дети ввергают тебя в бесчестье?!

В гостиной повисла тишина, которую вскоре нарушил Филипп. С непроницаемым видом он решительно поставил чашку с чаем на столик, игнорируя предупредительный взгляд сестры.

– А как же быть с теми, кто вернулся с поля боя без наград и почестей, но вместе с тем потерял здоровье?

– Ты, Филипп, наверное, имеешь в виду твоего дядюшку Себастьяна? – поинтересовался Матиас Крэббс, не глядя на сына.

– Да, я говорю и о нём, и о множестве других, кого искалечила война и лишила возможности вести привычный образ жизни.

– Смеею заметить, война всех лишила возможности вести привычный образ жизни. Но она закончилась шестнадцать лет назад. Те, кто был способен хоть на что-то, кроме кропания никчёмных стишков, сумели добиться многого. Даже те, кто столкнулся с последствиями войны и оказался в самых невыгодных условиях. Да хотя бы взять моего соседа, владельца Эштон-хаус, чьи земли граничат с Гриффин-холлом. Получив в наследство практически один долги, налоги и старый дом с протекающей крышей, Джереми Эштон сумел возродить поместье к жизни. Исключительно своим трудом, хотя и удивительно было ожидать, что человек его воспитания способен стать грамотным землевладельцем. Кстати, Вивиан, милая, по-моему, ты знакома с мистером Эштоном? Он упоминал об этом, когда заходил сегодня днём.

Вивиан не слишком вежливо пожала плечами.

– Я пригласил его на ужин, – старый Крэббс выглядел довольным, сообщая этот факт. – Весьма дельный молодой человек. И с отличными манерами, что в наше время, к сожалению, можно сказать не обо всех молодых людях, – и он бросил многозначительный взгляд на Филиппа.

К этому моменту чаепитие давно уже превратилось в пытку для всех присутствующих. Тётушка Розмари, отпивая мелкими глоточками остывший чай, старалась не смотреть на брата. Близнецы с отсутствующим видом уставились на огонь, Вивиан нервно тербила подвески серебряного браслета. Себастьян неосознанно потирал больное колено и старался не привлекать к себе внимание. Только хмурая Грейс размеренно поглощала один за другим сэндвичи, не замечая, как крошки сыплются на подол её платья. Матиас Крэббс неодобрительно смерил взглядом её расплывшуюся фигуру и вздохнул.

– Я немного устал, – объявил он капризным тоном, будто родственники намеренно утомили его. – К ужину у нас будет ещё один гость – гостья, которую я хочу представить вам всем. А после ужина я, как и обещал, вознагражу каждого из вас. Надеюсь, что мои дары вас не разочаруют, и вы не пожалеете, что навелили старика в его скромной обители, – и он рассмеялся от высокопарности своих слов.

Присутствующие оживились, всеми силами стараясь скрыть это за деланным равнодушием, а тётушка Розмари с детской непосредственностью воскликнула:

– Гостья, Матиас? Кто же это? Ты что, написал кому-то ещё?

Но старый Крэббс уже покидал гостиную, пряча удовлетворённую улыбку и стараясь двигаться размеренно, без лишней спешки, как и подобает почтенному пожилому джентльмену.

Глава шестая, в которой Вивиан Крэббс получает пугающую информацию, близнецы вспоминают детство, а Айрис Белфорт демонстрирует твёрдость своих намерений

Время до ужина тянулось для Вивиан бесконечно. Она передумала уезжать из Гриффин-холла вечерним поездом, и теперь бесцельно бродила по дому, не в силах сидеть одна в комнате.

В сад было не выйти из-за непрекращающегося дождя, и девушка была бы рада любой компании, только бы не находиться наедине со своими мыслями, но все

гости сразу после чаепития разошлись.

Впрочем, в библиотеке, обложившись со всех сторон раскрытыми книгами, продолжал свои малопонятные занятия Себастьян Крэббс. У Вивиан мелькнула мысль поговорить с ним об отце – всё же они были родными братьями, – но она быстро отказалась от неё. У Себастьяна Крэббса был какой-то неприкаянный, страдальческий вид, а такие люди вызывали у неё жалостливые чувства, да и беседа с ним вряд ли могла бы её развлечь.

Тётушка Розмари на роль приятного собеседника тоже явно не годилась. Она вообще относилась к тем пожилым леди, которых Вивиан считала крайне утомительными особами. Такие вечно не в меру оживлённые, суетливые старушечки могут кого угодно довести до помешательства своей вздорной болтовнёй и ветхозаветными назиданиями.

Близнецы, так те вообще сразу после того, как старый Крэббс покинул гостиную, переглянулись и скрылись в неизвестном направлении. Вивиан, не имевшая ни сестёр, ни братьев, от этой молчаливой слаженности действий ощутила неведомую ей ранее сиротливость.

Лучше всего скоротать время ей помог бы Майкл. В нём она чувствовала нечто родственное себе. Он, так же, как и она, старался жить легко и беззаботно, без напрасных раздумий и сожалений, и ценил жизнь за её щедрость. Зная Майкла всего несколько часов, она с удовольствием принимала его двусмысленные, на грани приличий, тяжеловесные комплименты, и искренне задавалась вопросом, что же он нашёл в её бесцветной кухне.

Поднявшись на второй этаж, она сняла туфли и босиком, на цыпочках, подошла к дверям комнаты, где расположились супруги Хоггарт. Медленно нагнувшись, Вивиан прислушалась. Из комнаты не доносилось ни звука. Ни Майкла, ни Грейс там, по всей видимости, не было.

За этим занятием и застал её Симмонс. Неслышно появившись в коридоре, он громко откашлялся и невозмутимо провозгласил: «Мисс Крэббс просят к телефону. С вами желает говорить миссис Фостер из Калифорнии».

Найдя в себе силы не покраснеть и чувствуя осуждающий взгляд дворецкого, Вивиан, чертыхаясь вполголоса, надела туфли и спустилась в холл.

Уже берясь за трубку, она увидела в просвет между половинками ширмы, отделяющей гостиную от холла, незнакомую женщину, которая стремительно удалялась в сторону библиотеки. Высокая, стройная, в коричневом твидовом костюме и маленькой шляпке, незнакомка двигалась по дому так, словно не раз уже бывала здесь.

– Алло! Алло, Вивиан?! Ты слышишь меня, дорогая? – из трубки умоляюще доносился голос миссис Фостер.

– Да, мама, я слышу тебя. Поздравляю с бракосочетанием, – будничным тоном произнесла Вивиан, всё ещё ломая голову над тем, кем же была увиденная ею молодая особа. – Как ты? Всё прошло хорошо? Вы с Реджи ещё не уехали в Гонолулу?

– О, свадьба была роскошная! Ты не представляешь, кого пригласил Реджинальд! Я просто глазам своим не поверила, когда... – нервные нотки пропали из голоса миссис Фостер, и она принялась перечислять именитых гостей, присутствовавших на свадьбе.

Вивиан, хорошо зная мать, дала ей выговориться, умеренно повосхищалась, задала несколько уточняющих вопросов по поводу наряда невесты и выслушала все подробности свежих светских сплетен. С кем-либо другим такой разговор мог бы стать достаточно долгим и утомительным, но миссис Фостер неизменно была куда-нибудь приглашена – выпить пару коктейлей, поужинать в ресторане или посмотреть нашу шумевшую пьесу, – так что все события излагала максимально коротко и ёмко. В этой же репортёрской манере она сообщила дочери о том, что её усердно разыскивают двое настойчивых молодых людей.

– И ты знаешь, дорогая, они не сумели произвести на меня благоприятное впечатление, – в голосе миссис Фостер прозвучал кроткий упрёк. – Я считаю, тебе нужно больше заботиться о том, чтобы выбирать из своего окружения достойных молодых людей. Конечно, тебе виднее, в конце концов, моя юность позади, да и жизнь не стоит на месте, но хорошие манеры ещё...

У Вивиан похолодело внутри. Она перебила мать, стараясь, чтобы та не заметила ужаса в её голосе:

– Они представились?

– Кто, дорогая? – удивилась миссис Фостер, уже перескочившая на новую тему.

– Эти молодые люди.

– Вот только не говори мне, что ты всерьёз заинтересована кем-то из них, – упрёк превратился в осуждение. – Я уверена, что и Реджи этого не одобрит, а я теперь, знаешь ли, вынуждена считаться с его мнением.

– Мама, просто скажи, они назвали себя? И что они, вообще, хотели?

– Не помню, дорогая, вот совершенно вылетело из головы, – беседа успела наскучить миссис Фостер, и она торопилась её завершить. – Давай мы поговорим об этом, когда ты вернёшься домой. Я немного задержалась и уже прилично опаздываю к Вентвортам.

– Мама, стой! – Вивиан почти кричала, зная, как та любит неожиданно для собеседника заканчивать разговор. – Ты сказала им, где я сейчас? Постарайся вспомнить, это очень важно!

– Ну, конечно же, нет! – возмутилась миссис Фостер. – Я же говорю тебе, мне они совершенно не понравились. Я объяснила им, что ты решила навестить дедушку, но деталей уточнять не стала. Ну, всё, целую, дорогая, мне нужно бежать! Реджи уже начинает на меня злиться.

Связь со щелчком оборвалась. Вивиан, прижавшись лбом к гладкой прохладной стене, осталась стоять с телефонной трубкой в руке.

* * *

Единственными гостями, кто нисколько не нервничал в ожидании ужина, были брат и сестра Адамсон. Сразу после чаепития они, как и условились между собой заранее, ускользнули на чердак.

Это место многое для них значило. Тут прошла внушительная часть лета 1921 года, которое было одновременно и самым счастливым, и самым трагическим в их жизни.

Благодаря чердаку дождливые летние дни, когда миссис Уоттс загоняла их неугомонную троицу в дом, нисколько не омрачали настроение детей. Здесь у них было тайное царство, полное сокровищ и секретов.

У взрослых тем летом было полно своих мрачных забот, поэтому они нисколько не досаждали Грейс и близнецам излишней опекой. Можно даже было сказать, что дети предоставлены сами себе, и это лучшее, по их мнению, что с ними могло случиться. Эти воспоминания близнецы продолжали бережно хранить в своих сердцах и долгие годы спустя.

Летнее счастье закончилось внезапно. Наступила осень, и вслед за этим Матиас Крэббс поручил миссис Уоттс подготовить детей для отъезда.

Все сокровища, дорогие сердцу каждого, кто хоть раз соорудил из старого комода кукольный дом или мастерил аэроплан из птичьих перьев, проволоки и шелковых нитей от разобранного на части тауматропа, остались на чердаке Гриффин-холла.

Они не успели ничего забрать, да и не получилось бы. Правилами пансиона Оливии и закрытой школы для мальчиков воспитанникам не позволялось привозить с собой игрушки и памятные вещи. «Чем быстрее ребёнок освоится в новой среде, тем лучше для него. Дисциплина и разумный распорядок дня вытеснят трагические воспоминания и не дадут развиваться меланхолии или таким пагубным привычкам, как лень и слезливость», – в не терпящей возражений манере сообщила школьная директриса.

Это полностью совпадало с мыслями самого Матиаса Крэббса, который терпеть не мог сляктяйства и собирался выполнить свой долг – дать осиротевшим внукам подобающее образование. Именно поэтому он, посоветовавшись всё с той же директрисой, завоевавшей его доверие, предпринял все необходимые меры, чтобы дети его преступной дочери, малодушно лишившей себя жизни, были разлучены на несколько долгих лет и находились под строжайшим надзором.

В те годы ещё бытовало такое мнение, что близнецы нередко пагубно влияют друг на друга, и поэтому их в определённом возрасте разумнее всего разлучать без всяких сантиментов. Уж в чём в чём, а в сантимах Матиаса Крэббса обвинить было сложно. Подчиняясь его воле, Филиппу и Оливии запретили переписываться и видеться до самого конца обучения. Предупредив педагогов о трагических обстоятельствах, произошедших в семье Адамсон, Матиас Крэббс высказал свои опасения, что его внуки могли унаследовать от матери лёгкую степень безумия, толкнувшую её на страшный поступок. С той поры Оливия и Филипп практически никогда не оставались одни. Каждое их действие, каждое слово подвергались пристальному изучению. Тоска друг по другу, охватившая обоих, и шок от известия о гибели матери толковались как непозволительная нравственная распущенность и меланхолическое расстройство.

В пансионе Оливии полагали, что подобные душевные хвори излечивает рукоделие и латынь, в школе для мальчиков же с тоской и сердечной болью боролись при помощи строгой муштры и принудительного вовлечения воспитуемого в коллективные игры на свежем воздухе. На каникулы близнецы оставались в опустевших дортуарах, продолжая обучение по облегчённой ввиду отсутствия полного штата учителей программе.

Только спустя несколько лет после отъезда из Гриффин-холла близнецы, благодаря Себастьяну, получили возможность обмениваться весточками. Послания друг для друга они аккуратно прятали под склеенные по краям листы писем к дяде, и он пересылал их ровно таким же образом.

Это давало им возможность преодолеть почти что тюремные школьные порядки. Незримая связь, ослабевшая за несколько лет разлуки, вновь окрепла – теперь близнецы считали каждый день до своего воссоединения.

Впервые после расставания брат и сестра увиделись в 1930 году. Близнецы запомнили друг друга детьми, и первые несколько минут после встречи молча, опешив от неожиданности, стояли, не проронив ни слова, заново изучая друг друга. Однако это по-прежнему были они – «бедняжки» Адамсон, воссоединившиеся наперекор судьбе. Несколько скупых прикосновений и ничего незначущих, на первый взгляд, слов – и раздался не слышный никому, кроме них, щелчок, знаменующий окончание тёмных времён и наступление новой эры. Мир близнецов вновь стал цельным, трещины заросли травой, хоть в них и продолжали ржаветь доспехи павших в этом невидимом сражении.

– Смотри-ка, а здесь, похоже, всё осталось по-прежнему, – обрадовалась Оливия, когда они проникли на чердак и предусмотрительно притворили за собой тяжёлую дверь.

Вместо ответа Филипп чертыхнулся, когда чуть не упал, запутавшись в полусгнившей лошадиной упряжи.

– Раньше чердак казался мне более просторным, – недовольно заметил он, отодвигая с пути носком ботинка комок подозрительной рухляди, откуда в разные стороны прыснул многочисленный паучий отряд.

– Дуралей, это просто мы были маленькие. Гляди, это же мистер Хатчинсон!

В углу, возле небольшого слухового окна, затянутого пыльной паутиной, стоял их давний знакомец – поролоновый манекен в старомодном фраке и цилиндре. Когда-то белоснежная манишка пожелтела и скукожилась, из рукава, набитого ветошью, торчала надломленная клюшка для крикета. Мистер Хатчинсон в своё время был неизменным участником многих чердачных забав, покорно соглашаясь на роли злодеев, которым всегда доставалось по заслугам.

– И мой дворец! И сани Снежного короля! И даже библиотека сохранилась!

Оливия нежно погладила старинную качалку, в которую был запряжён деревянный конь на колёсиках, и пробралась, согнувшись в три погибели, через сооружение из плетёных садовых стульев, преграждающее путь к самому укромному уголку чердака. Тут, в деревянных ящиках, установленных друг на друга, как на книжных полках хранились книги и альбомы.

Сняв с плеча высохший мушиный трупик, Оливия принялась перебирать содержимое библиотеки, но сразу же расчихалась и подняла этим ещё больше пыли.

– Как думаешь, дедушка не будет возражать, если я кое-что отсюда заберу? – рассеянно спросила она, отыскав нюрнбергского ангела, но Филипп не ответил ей. – Или не стоит таскать за собой старый хлам? Где-то в крыше есть дыра, и половина книг пришла в негодность. Подушечные сиденья вообще выглядят так, будто их кто-то драл когтями. А за стойкой библиотекаря теперь мышиное гнездо и...

– Ты можешь помолчать хотя бы минуточку? – светским тоном поинтересовался Филипп, резко выныривая из-за разошедшегося шкафа с висящей на одной петле дверцей.

– А что такое? – Оливия уловила в голосе брата напряжение.

Вместо ответа он поманил её к себе.

Девушка осторожно проползла под верёвочным ограждением, отделяющим «библиотеку» от хаотического нагромождения остальных чердачных сокровищ, и подошла к брату. Филипп сидел на корточках и, склонив голову, внимательно к чему-то прислушивался. Он сделал сестре предупреждающий знак, прижав палец к губам, и взглядом указал на расщелину в полу.

Доски в этом месте разошлись, образовав отверстие размером с фартинг[5 - Фартинг – мелкая английская монета, равная одной четверти пенни.]. Оливия, опустившись на колени, заглянула туда, но сначала не увидела ничего, кроме фрагмента скомканного ситцевого покрывала.

Она вопросительно вскинула брови, и Филипп прошептал ей на ухо: «Там кто-то есть. Девушка».

Оливия с удивлением и укоризной посмотрела на брата, ранее не замеченного в подглядывании за женщинами, но он раздражённо закатил глаза и легонько постучал пальцем по её правому уху, а потом указал вниз.

И правда, прислушавшись, она уловила то приближающиеся, то удаляющиеся мелодичные звуки. Кто-то немного фальшиво, но с душой, напевал «Свадебную карету для Дженни». Голос доносился то глуше, то звонче, будто его обладательница кружилась в танце.

У Оливии затекли ноги, и она, недоумённо пожав плечами и не находя большого интереса в том, чтобы подглядывать за прислугой (а комната под самой крышей, несомненно, принадлежала одной из горничных Гриффин-холла), пошевелилась в попытке встать. Её рука неловко задела пыльную медную вазу, та задумчиво покачалась и упала на жестяную коробку из-под кубиков мясного экстракта.

Филипп схватил сестру за локоть и заставил остаться неподвижной, но свадебная песенка оборвалась. Не в силах сопротивляться соблазну, Оливия медленно склонилась над отверстием в полу, и её взгляду предстал чей-то идеально ровный пробор на гладких чёрных волосах. Девушка стояла прямо под близнецами, чуть склонив голову и прислушиваясь, не раздастся ли снова странный шум с чердака. Для того чтобы задрать голову и обнаружить тайного соглядатая, достаточно было нескольких секунд.

Филипп сориентировался быстрее сестры – схватив щербатое блюдце с окаменевшим яблочным огрызком, он перевернул его и накрыл тайный глазок. Медленно и очень осмотрительно, стараясь не скрипеть половицами и не устроить ещё один тарарам, близнецы покинули чердак. Однако пока они ретировались, у Оливии не шли из головы мысли о том, что кухарка и экономка являлись почтенными седовласыми дамами, а молоденькие горничные Эмма и Дорис скрывали под белоснежными наколками золотисто-рыжие кудряшки.

* * *

После разговора с матерью Вивиан не находила места. Нервное напряжение, в котором она пребывала уже третью неделю, давало о себе знать.

Известие о том, что братья Люгер приступили к её поискам, заставляло думать, что всё намного серьезнее, чем она предполагала. Происходившее больше не напоминало забавное недоразумение, теперь все слухи, ходившие о братьях Люгер и их должниках, вспомнились Вивиан в подробностях.

«Чёртов Джимми! В какую же дерьмовую переделку ты меня втравил!» – чуть не завопила она в голос, сжимая кулаки и чувствуя, как ногти до боли впиваются в мякоть ладоней.

Девушке стало тяжело дышать, узкий корсаж нательной грации стискивал её грудную клетку и мешал сделать глубокий вдох. Пытаясь справиться с невесть откуда взявшейся тошнотой, она глубоко вдохнула несколько раз, обхватив левой рукой шею, и ужаснулась тому, какие ледяные у неё пальцы.

Когда рядом раздалось вежливое покашливание, Вивиан чуть не вскрикнула от неожиданности.

– Что с вами, кузина? Вам дурно? – в голосе Грейс звучало и любопытство, и затаённое злорадство. – Может быть, велеть принести стакан воды?

– Нет-нет, благодарю, у меня просто немного закружилась голова. Я... прилягу ненадолго, и всё пройдёт. Нет, правда, совершенно не о чем беспокоиться!

Грейс ещё какое-то время смотрела на кузину, и выражение её голубых водянистых глаз показалось Вивиан насмешливым.

– Ну, как угодно, – произнесла она и неспешно направилась в гостиную.

Вивиан проследила за тем, как Грейс пересекла комнату и скрылась за дверью библиотеки, а потом быстрыми шагами приблизилась к столику с напитками. Камин уже разожгли, на изломанных гранях хрустального графина пылали отсветы огня. Наполнив бокал золотистым виски, девушка торопливо сделала несколько глотков и присела на диван.

Шею, плечи и спину охватило приятное тепло. Кончики пальцев начало покалывать, тошнота и стеснённое дыхание отступили. Мысли Вивиан потекли спокойно, рассудительно. Никто не беспокоил её, дом затих, и она с удовольствием вслушивалась в уютный шелест дождя за окнами гостиной.

Посидев в полной тишине и абсолютно успокоившись, в голове у Вивиан сложился план. Теперь она корила себя за то, что так неумно повела беседу со старым Крэббсом. Вместо того чтобы выпрашивать крупную сумму сверх ежемесячного содержания, ей всего лишь нужно было попросить у него свою долю наследства и отказаться в письменной форме от дальнейших притязаний на капитал.

Такое решение показалось девушке и логичным, и справедливым. Она не сомневалась, что старик признает практичность её ума и с лёгкостью пойдёт на сделку.

Вивиан встала, разгладила платье, чуть подкрутила пальцем пару локонов у лица и решительно направилась к лаборатории, где она надеялась застать Матиаса Крэббса одного.

Минуя быстрыми шагами и гостиную, и библиотеку, где у дальней стены всё так же корпел среди раскрытых фолиантов такой нелепый в своём бесполезном усердии Себастьян Крэббс, она свернула к лаборатории и была практически сбита с ног кузиной Грейс.

– Прошу прощения! – задыхающимся голосом произнесла та и, прижимая к себе правую руку, будто скрывала что-то в складках платья, неловко обогнула Вивиан.

Девушка проводила Грейс недоуменным взглядом. Раскрасневшаяся, будто от быстрого бега, с воспалёнными припухшими глазами – кузина теперь вовсе не выглядела насмешливой или злорадной. Сейчас она походила на женщину, мир которой перевернулся и обрушился ей на голову.

Однако у Вивиан были и свои проблемы, которые требовали срочного решения, чтобы вникать в перипетии семейных сложностей кузины Грейс. Она поправила узкий тугий пояс и приблизилась к дверям лаборатории.

Через приоткрытые створки до неё донеслись голоса. Один мужской, низкий, а второй явно принадлежал женщине, но звучал приглушённо.

«К старику пришла очередная попрошайка, – с раздражением подумала Вивиан. – Либо тётушка Розмари, либо гордячка Оливия Адамсон. Если тётушка, то она мгновенно доведёт его до белого каления, и мне придётся снова ждать, когда представится удобный случай».

Медленно сделав пару шагов вперёд, она приникла к щели между створками и заглянула в комнату. Вопреки её ожиданиям, в лаборатории не было ни Матиаса Крэббса, ни тётушки Розмари, ни Оливии. Она увидела, как Майкл, наклонившись, покрывает нежными поцелуями ладони девушки с короткой стрижкой. Незнакомка была одета в безвкусное полосатое платье, и Вивиан поняла, что именно её она заметила, когда беседовала по телефону с матерью.

– ...здорово, что ты всё-таки приехала, Айрис, дорогая. Я счастлив уже оттого, что вижу тебя, что могу говорить с тобой!

– Я приехала вовсе не ради тебя, Майкл, – голос девушки звучал холодно и отстранённо. – Я не изменила своего решения и не собираюсь делать это в

дальнейшем. Тебе придётся смириться.

– Подожди, Айрис, подожди, не руби сплеча, прошу тебя, подумай пару дней. Столько усилий, столько времени потрачено! Неужели ты всёпустишь под откос, подумай, прошу тебя, подумай хорошенько!

Майкл в смятении сжимал руки девушки, качая головой. В его мольбах слышалась и затаённая ярость, и отчаянная надежда. На мгновение Вивиан даже стало его жаль, хотя на неё и произвела крайне неблагоприятное впечатление такая двуличность. На глазах жены ухаживать за её родственницей и тут же неведомым образом притащить в дом свёкра свою любовницу! Майкл или излишне самонадеян, или попросту привык, что ему всёсходит с рук.

Увлёкшись подглядыванием за неверным мужем несчастной кузины Грейс, Вивиан потеряла осторожность и сама чуть не попалась. В коридоре слышались голоса и торопливые шаги. Не раздумывая, девушка толкнула дверь чулана, находившегося рядом с лабораторией, и проскользнула внутрь крохотной тёмной комнатки. Из оконца под самым потолком сочился тусклый свет, к стенам жались узкие стеллажи. Затворив дверь, она притаилась в ожидании, когда освободится путь наружу.

Звук гонга, созывающий гостей Гриффин-холла к ужину, застал близнецов у входа в лабораторию, где они надеялись найти Матиаса Крэббса. Вместо него на пороге возник растерянный Майкл. Стремительно шагнув вперёд, он захлопнул за собой двери и пробормотал: «Надо же, а я был уверен, что мистер Крэббс здесь. Ну, увидимся в столовой». Дружелюбно кивнув, он, насвистывая, скрылся за поворотом.

К удивлению близнецов, дверь чулана вдруг распахнулась, и оттуда без тени смущения на лице вышла Вивиан. Не произнеся ни слова, только высокомерно улыбнувшись Филиппу и полностью игнорируя его сестру, девушка спокойно удалилась. Молодые люди проводили кузину удивлёнными взглядами и переглянулись.

Когда же и они покинули узкий коридор, из дверей лаборатории выскользнула Айрис Белфорт. С облегчением выдохнув, она стёрла капельки пота, выступившие на лбу, и отправилась по лестнице для прислуги наверх, в комнату, которая была её жилищем на то время, что она работала у Матиаса Крэббса,

помогая ему писать мемуары.

Глава седьмая, в которой сюрприз, подготовленный Матиасом Крэббсом, не нравится никому из его гостей

Малышка Полли, как это частенько водилось по вечерам, пребывала в несговорчивом настроении и совершенно не желала укладываться спать. Потрясая пухлыми кулачками, она широко зевала и жмурилась, но отпустить мать не собиралась. Стоило Грейс дожидаться, пока дочь затихнет, и медленно отойти от колыбели, как та вновь принималась кричать, возмущённая таким вероломством.

Гонг прозвучал уже минут пятнадцать назад, и она была уверена, что все расселись за столом, решив не ждать её. Охваченная злостью на Майкла, который даже в Гриффин-холле умудрился связаться с какой-то сомнительной особой (по виду – вылитой горничной), и на старого Крэббса, отказавшего ей в помощи, Грейс обречённо качала колыбель, покоряясь воле маленькой тиранши.

Спасение пришло неожиданно. Экономка, сама вынянчившая пятерых братьев и сестёр, пришла поинтересоваться, не нужна ли её помощь наверху. Миссис Уоттс помнила Грейс ещё девочкой, серьёзной, рассудительной, с такой славной улыбкой, – впрямь, как солнце выглянет в хмурый день, – что сердце радовалось. А вот лопавшийся от самодовольства Майкл Хогарт не внушил ей добрых чувств, и все его дальнейшее поведение только утверждало пожилую женщину в мыслях, что ничего хорошего в этом браке её любимицу не ждёт.

Препоручив малышку Полли заботам опытной миссис Уоттс, Грейс с облегчением поспешила в столовую. По дороге она дала себе слово, что как следует проучит Майкла, и лицо её тотчас приобрело выражение презрительной холодности. «Только не размякай, как обычно, – приказала она себе строго. – И даже не вздумай слушать его оправдания!»

Целиком погрузившись в беседу с само?й собой, она неуклюже ввалилась в ярко освещённую столовую и озадаченно застыла на пороге. Лакей Энглби и старшая горничная Эмма уже начали подавать первую перемену блюд, но внимание Грейс привлекло совсем другое действо.

Во главе стола на стуле с высокой спинкой восседал хозяин Гриффин-холла, а рядом с ним с вызывающим видом стояла и держала его за руку именно та девица, которую Майкл совсем недавно хватал за плечи в лаборатории. У старого Крэббса было такое же выражение лица, как у человека, только что отпустившего преотличную шутку. С изумлением Грейс отметила, что в петлице его нарядного костюма пунцовеет пышная садовая роза.

Не в силах взять себя в руки, Грейс растерянно спросила:

- Что здесь произошло? Я что-то пропустила?

В ответ Майкл звонко рассмеялся и повернулся к ней.

- Да, Грейси, кое-что и вправду произошло. В семье ожидается пополнение. Мистер Крэббс только что объявил о своей женитьбе на мисс Айрис Белфорт. Представь себе, твой дедушка женится в следующую пятницу. Ну, не делай такое лицо, дорогая. Неужели ты не можешь просто порадоваться?

Потрясённая, Грейс бессильно опустилась на стул, который ей учтиво придвинул незнакомый молодой человек.

- Джереми Эштон, сосед и гость мистера Крэббса, - представился тот почтительно, и она машинально ему улыбнулась.

- Но это ещё не всё, дорогая Грейс, - продолжал Майкл. - Вы позволите? - взглянул он на Матиаса Крэббса с издевательской любезностью и, получив сухой кивок, бесстрастно произнёс: - А ещё мистер Крэббс объявил, что после свадьбы Айрис Белфорт станет его единственной наследницей. Для всех остальных своих родственников он приготовил ценные подарки, и будет иметь удовольствие вручить их нам после ужина.

- Да, твой муж верно передал суть моего объявления, - подтвердил Матиас Крэббс, медленно поднимая ладонь невесты и запечатлевая на ней собственнический поцелуй.

Тётушка Розмари от такого намеренно провокационного жеста полузадушено пискнула, словно мышь-полёвка в когтях филина. Грейс смотрела на Майкла

непонимающим взглядом. Услышанное не укладывалось в голове.

– Я рад, что вы, дорогие гости, с таким вниманием отнеслись к моим матримониальным планам. Однако ужин остывает, а миссис Гилмор вовсе не заслуживает того, чтобы её творения скормливали деревенским псам, – и Матиас Крэббс с удовольствием принялся за камбалу в сухарях.

Гости, вспомнив о приличиях, последовали примеру хозяина, исподтишка бросая взгляды на невесту.

Рыба на тарелке пахла самым аппетитным образом, но Грейс и кусочка проглотить не могла. Отложив приборы в сторону, она медленно опустошила бокал с вином и принялась в упор рассматривать Айрис Белфорт. Долговязая, костлявая, с такими тонкими губами, вымазанными ярко-красной помадой, что они больше походили на воспалённый шрам – да откуда взялась эта вульгарная девица с голодными кошачьими глазами? И что связывает Майкла с невестой её деда, определённо спятившего на старости лет?

– ...сказал, что имел счастье увидеть свою первую правнучку. Сколько уже вашей малышке?

Грейс отвлеклась от назойливо теснивших в голове мыслей и поняла, что сосед слева, учтивый молодой человек, задаёт ей какие-то вопросы. Она повернулась к нему и хрипло произнесла:

– Прошу прощения, я не расслышала.

В этот момент в поле её зрения попала Вивиан, и Грейс поразились, с какой ненавистью та смотрит на Матиаса Крэббса. Широко распахнув глаза, будто она наблюдает одной ей видимые картины, девушка, застыв в напряжённой позе, вперила немигающий взгляд в окно. Лицо Вивиан было смертельно бледным, алый бант шёлковой блузки, завязанный возле шеи, на фоне белоснежной кожи казался кровавой раной.

Молодой человек оставил попытки вовлечь соседку в разговор и повернулся к Себастьяну, а Грейс жадно принялась за еду, вдруг ощутив сильнейший голод. Разрозненные мысли продолжали роиться в её сознании, лоб сжимало невидимыми лентами, затягивающимися всё туже и туже. Вообразив, что все

смотрят на неё, она вздрогнула, будто очнувшись, подняла глаза и убедилась: все присутствующие и правда смотрели на неё – кто с вежливым интересом, а кто с жалостью.

– Грейс, милая, ты разве не слышишь меня? – недовольный голос Матиаса Крэббса привёл её в чувство. – Хватит витать в облаках. Спустись на землю и удели внимание своей семье. Я говорил о том, что для малышки Полли следовало бы найти хорошую няню с проживанием. В обязанности миссис Уоттс вовсе не входит возня с младенцами. Да и Майклу вряд ли нравится то, что ты так носишься с ребёнком и не уделяешь достаточно времени своему мужу.

– Няня? – переспросила Грейс, всё ещё не веря, что Матиас Крэббс прилюдно обсуждает её семейную жизнь. – Но к нам трижды в неделю приходит мисс Бэбкок из агентства Хартфилда, она весьма...

– Значит, пора найти профессиональную няню на полную неделю, – безапелляционно заявил Матиас Крэббс, делая знак лакею подавать следующую перемену блюд. – Не думаю, что эта Бэбкок компетентна. Полли производит впечатление плохо воспитанного и сверх меры крикливого ребёнка.

– Но ей же только десять месяцев! – задохнувшись от возмущения, сказала Грейс. – Она ещё младенец! И у нас сейчас нет возможности оплачивать няню с проживанием.

– Это неважно, – отмахнулся от её слов старый Крэббс. – Хорошая мать занимается воспитанием своих детей с колыбели, а не перекладывает ответственность на других и не жалуется на обстоятельства. Дети – главное дело женщины, а забота её мужа – обеспечить семью должным образом.

Чувствуя, что на щеках расцветают пунцовые пятна, Грейс опустила глаза, желая оказаться за тысячу миль от столовой Гриффин-холла, а старый Крэббс всё не унимался.

– Мы уже наблюдали печальный пример того, как женщина, не желающая справляться со своими обязанностями жены и матери, разрушает собственную семью.

В наступившей тишине оглушительно звякнули приборы. Филипп Адамсон резко развернулся на стуле, уставившись на деда.

– Да, мой мальчик, ты абсолютно прав, – Матиас Крэббс со скорбным злорадством покачал головой. – Я всегда говорил Изабелле, что не одобряю её брак с вашим отцом. Нет, музыкант он был великолепный. Все, кому посчастливилось побывать на концертах великого Джона Адамсона, отмечали его мастерство и артистизм. Ваш отец был незаурядной личностью, это необходимо признать, но Изабелла, моя дочь, всегда отличалась склонностью к истерикам и неумением просчитывать ситуацию наперёд. Она не нашла ничего более умного, как сразу же после свадьбы обзавестись двумя младенцами и наскучить мужу бесконечными придирками и требованиями. И вот итог, – старый Крэббс прищёлкнул пальцами, отчего тётушка Розмари, сидевшая рядом, нервно дёрнула шеей и заморгала, – Джон не выдержал постоянных упрёков и сбежал с легкомысленной певичкой, Изабелла, потеряв рассудок, покончила с собой, а несчастные сироты остались на попечении добросердечных родственников.

Матиас Крэббс поднёс бокал к губам, наблюдая за Филиппом. Тот с подчеркнутым спокойствием выдержал взгляд деда, наклонил голову, чуть улыбнулся, будто бы своим мыслям, и с аппетитом принялся за тушёного кролика. Вид у него был на редкость непроницаемый и добродушный, словно бы только что и не обсуждались подробности семейной трагедии, а память его горячо любимой матери не была оскорблена. Оливия же сидела очень прямо, бледная, отрешённая, только глаза блестели холодными льдинками, и билась жилка на виске.

Третью перемену слуги подавали в полной тишине. Даже Джереми Эштон, старательно пытавшийся сгладить неловкость и занять беседой Грейс и Себастьяна, отказался от своих намерений. Он всё чаще смотрел на Вивиан, отмечая нервную ломкость её движений и жестов, и на его лице проступали тревога и сочувствие, но никому бы и в голову не пришло сейчас наблюдать за гостем, так некстати оказавшимся за семейным ужином. Каждый молча пытался справиться с разочарованием после ошеломляющей новости о свадьбе старого Крэббса. И только один человек тщательно скрывал свою радость от происходящего: «Время, когда Матиас Крэббс заплатит по счетам, обязательно наступит. Когда-нибудь ему самому придётся получить полезный урок».

Глава восьмая, в которой Матиас Крэббс преподносит родственникам ещё один сюрприз и вновь не находит понимания

– Как ты это перенёс, Филипп? Как ты выдержал? – в голосе Оливии слышалась мука.

Филипп медленно выдохнул струйку дыма. Он стоял вполоборота к сестре, за его спиной сияли ярко освещённые окна гостиной. В воздухе до сих пор чувствовалась гроза, розы поникли под тяжестью дождевых капель. Устало вздохнув, он ответил:

– А как ты думаешь, как я выдерживал все эти годы заточения в Уиллмилле? Шепотки за спиной, перерастающие в прямые насмешки, внимательные взгляды менторов, издевательства старших учеников? Всегда находился кто-то, кому прискучивали обычные развлечения. И тогда вспоминали про «бедняжку» Адамсона, сына безумной матери и распутного отца. Ты и не представляешь, что мне порой приходилось выслушивать. Отцы моих однокашников могли спускать состояния на скачках, проигрывать семейное наследство за игорным столом, предаваться самым гнусным порокам. Их матери заводили любовников, производили на свет незаконных отпрысков. Но это было не в счёт – ведь всё происходило тайно, без огласки. Титул и деньги могут заткнуть рты всем недоброжелателям. А я всегда оставался мишенью, ведь за моей спиной не было ни влиятельных родственников, ни связей. Только дурная наследственность и семейный скандал с примесью безумия.

В вечернем сумраке сада мерцал багряный кончик сигареты. Оливия поёжилась, вспоминая безобразные выходки пансионеров и холодное презрение наставниц, и не желая рассказывать об этом брату. Всё осталось в прошлом, ни к чему заставлять его испытывать бесплодные сожаления о том, что он не смог её защитить.

– Поэтому, Олив, подначки старого Крэббса не попали в цель. Я теперь слишком толстокожий для этого. Но, знаешь, не буду скрывать, мне бы хотелось, чтобы старик заплатил за твои слёзы. И я бы хотел, чтобы каждый, кто оскорбляет память Изабеллы, заплатил за это.

– Я уже в порядке. Правда, – чуть гнусаво ответила Оливия, отворачиваясь и деликатно сморкаясь в платок. – Но больше всего мне хочется уехать отсюда. Не

понимаю, как я могла быть такой дурищей – вообразить, что дедушка соскучился, что он и правда хочет семейного воссоединения.

– А у меня так прямо гора с плеч, – усмехнулся Филипп. – Поначалу меня чуть не обманули его елейные речи, но после, когда он за чаем принялся терроризировать тётушку Розмари, я сказал себе: «Вот теперь старый Крэббс прежний!» У меня просто от сердца отлегло, вот честно.

– Всё равно, я хочу уехать отсюда, – упрямо помотала головой Оливия.

– Уедем, не переживай. С утра соберём вещички и укатим сразу после завтрака, – Филипп нашёл в темноте ладонь сестры и ободряюще сжал. – А пока давай узнаем, что ещё за сюрприз приготовил нам Матиас Крэббс.

* * *

Когда близнецы вошли в холл, из полумрака выступил Симмонс. Дворецкий поклонился и доверительно сообщил:

– Напитки поданы в мастерской. Мистер Крэббс распорядился проводить вас туда.

Пока Оливия и Филипп следовали за ним, обоих, против их воли, невзирая на сильнейшую обиду, охватывало любопытство.

В далёком детстве, в те годы, когда была жива их мать, а отец ещё только предпринимал первые шаги на пути к успеху и славе, близнецы на каждое Рождество получали от Матиаса Крэббса поистине чудесные подарки. Составные картинки в лаковом сундучке, куклы: знатная дама с кружевным зонтиком и горничная с двумя форменными платьями, лошадка на колёсах с искусно вырезанной из дерева пышной гривой; трёхъярусный кукольный дом, полный миниатюрных обитателей, ведущих крайне содержательную жизнь. К дому прилагался и каретный сарай с двумя расписными каретами, и конюшня с лошадьми и грумами, и картинная галерея – завёрнутые в плотную обёрточную бумагу, эти дары наутро удостаивались восхищённых возгласов и становились тщательно оберегаемыми сокровищами. Позже все эти чудеса поблёкли и были утрачены в скитаниях или оставлены в захудалых пансионах и меблированных

комнатах в уплату за постой. В той кочевой жизни, которую близнецам пришлось вести по прихоти их матери, потерявшей не только мужа, но и саму себя, не было места памятным хрупким вещицам.

И сейчас, против собственной воли, брат с сестрой ощутили забытое волнение – будто это не внушительная фигура Симмонса плывёт перед ними неспешно, а отец ведёт близнецов к запертой двери, за которой их ждут ошеломляющие открытия.

Двухстворчатые двери распахнулись, и Оливия с Филиппом непроизвольно зажмурились от ярчайшего света. После погруженного в вечернюю тьму влажного сада и полумрака коридора мастерская слепила огнями. Когда-то в этой комнате располагалась оранжерея – застеклённый потолок и стены, а также сложная система вентиляции до сих пор находились в удовлетворительном состоянии.

Сейчас множество хаотично расставленных ламп и свечей превращали комнату в волшебный фонарь. Контрастные участки света и тени создавали таинственную атмосферу, подсвеченные снизу лица гостей казались незнакомыми и значительными. Откуда-то доносился запах пряностей и ванили.

– Выходили освежиться? – как ни в чём не бывало, благодушно поинтересовался Матиас Крэббс, приветствуя близнецов. – Я и сам люблю прогуляться после ужина. Благодаря Чепмену мне удаётся содержать сад в образцовом порядке. Даже не представляю, что мы с Айрис будем делать, когда он уйдёт на покой. Сейчас такая проблема найти опытного и работающего садовника – и при этом все нуют, что кругом безработица! Порой мне кажется, что страна никогда уже не станет прежней.

Старый Крэббс вздохнул и удручённо покачал головой. Он сидел за круглым столиком на двоих, рядом с ним, полулёжа в низком кресле, в очень расслабленной и несколько вызывающей позе расположилась мисс Белфорт. Её губы изгибались в приторной улыбке, и по лицу девушки было заметно, что она ощущает себя хозяйкой положения. Неодобрительные взгляды невеста Матиаса Крэббса встречала с холодным равнодушием.

Перед ними на спиртовке подогревался медный чайничек, и стояли две керамические чашки с толстыми ручками. Из-за грубой росписи они казались

поделками неумелого ребёнка, а не принадлежностями для чаепития в таком традиционном доме, как Гриффин-холл. Напитки для остальных гостей были сервированы на подносах, устроенных на всех доступных поверхностях.

Если в комнатах дома стараниями горничных Эммы и Дорис поддерживался образцовый порядок, то в мастерской царил полный хаос. Мольберты, накрытые полотнищами, пустые холсты, деревянные рамы, громоздившиеся в углу, альбомы, кисти, краски, гипсовые бюсты – никакой системы в расположении всего этого добра не прослеживалось. Некая упорядоченность присутствовала только в одном месте: всю дальнюю стену мастерской занимали картины, преимущественно натюрморты. Было и несколько пейзажей, и дюжина портретов – все они висели по центру и изображали молодую женщину в различных одеяниях и экстравагантных головных уборах. Присмотревшись, в натурщице было несложно узнать мисс Белфорт.

Для того чтобы скрыть нетерпеливое ожидание раздачи обещанных ценных подарков, гости Матиаса Крэббса разбрелись по мастерской и принялись разглядывать предложенные их вниманию картины.

– Жуткая мазня, вы не находите? – раздражённо буркнул Майкл, оказавшись рядом с Вивиан. – Надеюсь, ваш дед не мнит себя художником. Если честно, ничего ужаснее не видел.

– Я не очень хорошо разбираюсь в живописи. Полагаю, как и вы, – холодно ответила ему девушка и отошла смешать себе коктейль.

Майкл проводил её мрачным взглядом. Привыкнув легко покорять женские сердца, он недоумевал, по какой причине эта американская куколка вдруг превратилась в ледышку.

Вивиан же сейчас больше всего занимал вопрос, как скоро братья Люгер выяснят её местонахождение и какие действия предпримут после этого. Весь вечер фантазия рисовала ей варианты дальнейшего развития событий, раз от раза всё ужаснее, и к окончанию ужина она находилась в совершенно издёрганном состоянии. Известия о свадьбе деда и новом завещании лишили её последней надежды на спасение.

Крепкий коктейль несколько не успокоил измученные нервы. Наоборот, стоя с бокалом в руке и подозрительно вглядываясь в черноту за стеклом, Вивиан привиделись в глубине сада неясные фигуры. Куда бы она ни пошла, ей мерещился цепкий взгляд шпиона, затаившегося в темноте. Вообразив, что для внешнего наблюдателя она представляет собой идеальную мишень, девушка вздрогнула и мысленно приказала себе успокоиться, но уже не смогла избавиться от этого ощущения.

Чувствуя, что ещё немного, и она окончательно потеряет самообладание, Вивиан приблизилась к Джереми Эштону, который с интересом рассматривал натюрморт с битой дичью, грешивший искажённой перспективой. То, что её неосознанно раздражало в этом человеке раньше, теперь казалось привлекательным: широкоплечая коренастая фигура; лучики морщинок в уголках глаз, свидетельствующие о добродушном характере; мягкая улыбка, излучающая спокойствие и невозмутимость. Сама не зная почему, стоя рядом с ним, она сумела успокоиться и унять дрожь в руках, из-за которой кубики льда в её бокале издавали тонкий, сводящий с ума звон.

Только она приготовилась завязать разговор и извиниться за свою недавнюю грубость, как Матиас Крэббс нарочито громко откашлялся.

Все, кроме Джереми Эштона, обернулись – кто-то резко, поспешно, не скрывая своего нетерпения, а кто-то с похвальной неторопливостью, не сумевшей, впрочем, обмануть никого из присутствующих. Тётушка Розмари, ещё с чаепития находившаяся в странном оцепенении, резко вскинула голову и принялась сверлить брата тяжёлым взглядом. Она сидела на краешке стула, опустив плечи и бессильно уронив на колени маленькие и очень белые руки с выпуклыми синеватыми жилками. В свете направленной в её сторону яркой лампы можно было рассмотреть потрёпанные рукава старомодного шерстяного платья, подкрашенные чернилами носы стоптанных туфель и аккуратную штопку на чулках.

Все разговоры смолкли, в мастерской установилась насторожённая тишина. По стёклам с тихим шорохом вновь побежали струи дождя, и где-то вдалеке короткой вспышкой просверкнула молния.

Хозяин Гриффин-холла широко улыбнулся, но обстановку разрядить не получилось. Восемь пар глаз смотрели на него внимательно, требовательно, и на мгновение Матиасу Крэббсу стало страшно. Его посетила трусливая мысль

отказаться от намеченных планов, оставить всё как есть, не переступить Рубикон, за которым его могло постичь поражение.

Пауза затянулась, но никто, кроме Айрис, не посмел её нарушить. Недовольно поджав губы, она медленным, змеиным движением выпрямилась в кресле и нетерпеливо забарабанила по столу.

Отбросив колебания, Матиас Крэббс встал и решительно объявил:

– Как я уже говорил, после нашей с мисс Белфорт свадьбы вступит в силу новое завещание. Согласно моей воле, всё имущество и капитал, когда придёт время, получит моя жена, – и он кивком указал на Айрис Белфорт. – Но, искренне воздавая каждому, я приготовил для вас подарки.

С этими словами Крэббс встал и подошёл к мольбертам, выстроенным в ряд за его спиной. Их содержимое скрывали полотнища ткани, свисавшие до самого пола.

Остановившись возле них, он повернулся к гостям и несколько театрально простёр к ним руки:

– Я создавал эти картины, думая о каждом из вас. Представлял, как вы сохраните их на память о старике. Может статься, после моей смерти они даже станут реликвией в ваших семьях и будут передаваться из поколения в поколение.

Это смелое предположение, казалось, растрогало Крэббса. Глаза его воодушевлённо заблестели.

Майкл посмотрел на собрание натюрмортов и его передёрнуло от такой перспективы. Он попытался поймать взгляд Айрис Белфорт, но девушка, казалось, искренне не замечала его. Её внимание было приковано к медному чайничку на спиртовке, из носика которого вился тонкой струйкой ароматный парок.

«Ну и постные у всех физиономии! – не мог не восхититься Майкл, которого всегда забавляли чужие провалы. – Ушлый старикан оставил с носом не только

меня, но и всю свору бедных родственничков. Представляю, как они клянут его про себя на чём свет стоит».

Все и правда заметно поскучнели. Лицо тётушки Розмари горестно сморщилось от разочарования и обиды, с которыми она безуспешно пыталась справиться, изрядно повеселив этим Майкла. На жену он старался не смотреть, Грейс окончательно утратила самообладание, раскисла и выглядела до того неопрятно, что ему было стыдно за неё.

Однако Матиас Крэббс будто и не замечал всеобщего уныния. Он суетливо перемещал мольберты – то отступая в сторону, то придвигаясь ближе, – вглядывался, прищуривая глаза, в расположение ламп под потолком, чтобы оценить, наилучшим ли образом будут выглядеть его творения, когда он представит их. Пока хозяин хлопотал, гости обменивались робкими недовольными взглядами, а Джереми Эштон, явно в смущении от своего присутствия при назревающем семейном скандале, принимал всё более непринуждённый вид.

Наконец, Крэббс завершил все приготовления. Ещё раз отступив от мольбертов, он, склонив голову, удостоверился, что свет падает нужным ему образом и остался удовлетворён.

– Розмари, дорогая моя сестра! Для тебя у меня особенный дар. Знаю, как ты ценишь изящные вещи. Я вложил в эту картину всё своё мастерство, чтобы она напоминала тебе о счастливых днях, проведённых в Гриффин-холле, – торжественно провозгласил Матиас Крэббс и с издевательской, как показалось близнецам, усмешкой сорвал полотнище с первого мольберта.

Подарок для тётушки Розмари представлял собой небольшой пейзаж в тонкой позолоченной раме. Картина была написана в духе Констебла, однако тщательно выполненной копией не являлась, скорее, неумелой стилизацией. Она изображала Гриффин-холл в лучах заходящего солнца, и, хоть многие детали и выдавали неопытность художника, полотно в целом производило впечатление старательной работы. Ничего особо примечательного в картине не было, если не считать слегка искажённой перспективы, отчего дом будто кренился назад, угрожая опрокинуться и увлечь за собой и пышные сливочные облака, и сияющее, сизо-голубое, как брюшко макрели, небо.

Тётушка Розмари растерянно пробормотала что-то, весьма отдалённо напоминающее слова благодарности.

– А вот эта вещь, не скрою, далась мне нелегко, – с усталой улыбкой творца Матиас Крэббс покачал головой. – Грейс, милая, посмотри-ка, что я приготовил для тебя.

Занавесь скользнула на пол, и все ошеломлённо замерли. Крупное полотно изображало женщину в полный рост, одетую то ли в рубище, то ли в лохмотья. Голова её была обнажена, длинные тёмные волосы струились по плечам. В груди женщины зияла рана с обугленными краями, в глубине её мерцало багровое сердце, а руки, раскинутые, словно в смертной муке, сжимали две розы на толстых стеблях – алую и белую.

Грейс с суеверным ужасом смотрела на свой подарок, не в силах вымолвить ни слова. Майкл, и до этого не скрывавший своего скепсиса в отношении художественной ценности представленных в мастерской полотен, медленно подошёл к мольберту и, приблизив лицо вплотную к холсту, принялся самым пристальным образом рассматривать картину. Будто бы удовлетворённый результатом своих изысканий, он многозначительно хмыкнул, резко выпрямился и отошёл в сторону, демонстративно скрестив руки на груди. Грейс же так и не поблагодарила деда, промолчала, стараясь не смотреть ни на него, ни на картину.

Такая реакция супругов Хоггарт возмутила Матиаса Крэббса. Его благодушное настроение резко изменилось, и он уже без всяких предисловий представил оставшиеся полотна, суховато произнося имя того, кому предназначался дар.

Оливия получила небольшую картину, на которой был изображён скелет во фраке, стоявший на мраморной лестнице и державший в одной руке пышную гроздь цветущего водосбора, а в другой китайский фонарик. Филиппу досталось полотно, больше похожее на иллюстрацию в одном из субботних развлекательных журналов, которые продают мальчишки-газетчики на Стрэнде: по тёмному коридору с уходящей вдаль перспективой бежало, спасаясь от подступающей тьмы и припадая на один бок, белоснежное яйцо на восьми тонких паучьих ножках. У него не было глаз, только круглый, раззявленный в немом крике алый тонкогубый рот. Холст удивительным образом передавал напряжение и отчаяние существа, которое пыталось избежать встречи с чем-то ужасным, преследующим его, хотя при этом и само внушало зрителю изрядное

отвращение.

Картина, предназначавшаяся в дар Вивиан, была выполнена в совершенно другой манере. Она представляла собой приятный глазу натюрморт с цветами, фруктами, большим глиняным кувшином и пёстрым попугаем, который с задумчивым видом сидел на краешке стола. В центре композиции располагался букет маргариток, и, к чести художника, стоило отметить мастерское исполнение – каждый детально выписанный цветок пленял взгляд свежестью и нежной простотой. Однако предметы второго плана виделись расплывчато и мутно, словно художник, утомившись, решил, что с него хватит и стремился побыстрее закончить свою работу.

Картина Себастьяна тоже выбивалась из общего ряда: бесконечный глаз-анфилада со зрачками самых невероятных форм образовывал туннель, затягивающий зрителя в свою сердцевину. Несмотря на яркие краски, впечатление она производила скверное, и неясно, что было тому виной – изломанная перспектива или общая перегруженность холста деталями и цветом.

Казалось, сложно вообразить, что все эти полотна созданы одним человеком. Правда, никто из присутствующих и не размышлял о многогранности таланта художника, вместо этого – кто с раздражением, а кто с весёлым сарказмом, – все рассматривали дары Матиаса Крэббса.

Напряжение последних часов отступило, гости вдруг заговорили громко и бессвязно. Переходя от картины к картине, они неловко задевали друг друга, рассеянно извинялись и спешили к следующему мольберту.

Мисс Белфорт отвлеклась от медленно закипающего на спиртовке шоколада и теперь с усмешкой наблюдала за суетой у мольбертов. Сев спиной к столу, она оперлась острым локотком о гипсовую античную колонну и, упёршись подбородком в сложенные кулачки, принялась с нетерпеливым любопытством прикидывать, кто же первый из присутствующих пренебрежёт правилами хорошего тона и напрямую выразит недовольство неравноценной заменой наследству.

Оливия, заметив этот жадный азарт, только укрепилась в своей неприязни к нахальной девице. Из-за духоты у неё разболелась голова, возмущённые голоса родственников начали сливаться в единый тягучий гул. Она возненавидела себя

за то, что оказалась нисколько не лучше остальных и попала на крючок Матиаса Крэббса, позволив ему заманить её с братом в Гриффин-холл и куражиться тут над ними, оскорбляя память их матери.

«Ну, всё, с меня хватит», – подумала она и решительно двинулась к Филиппу, намереваясь сообщить ему, что уходит к себе и больше не собирается участвовать в навязанном им представлении.

По-видимому, Грейс Хоггарт приняла такое же решение. Не обращая внимания на мужа, ведущего оживлённую беседу с Вивиан, та пробиралась мимо чайного столика, за которым вполоборота сидела Айрис Белфорт. С пылающими румянцем щеками и нездоровым блеском в глазах она, проходя мимо невесты Матиаса Крэббса, смерила её уничижительным взглядом, и Оливия чуть не вздрогнула от неожиданности, заметив гримасу злобной неприязни, на мгновение исказившую мягкие черты кузины Грейс.

Раздались громкие хлопки. Все разговоры резко смолкли, только тётушка Розмари, будучи глуховата, продолжила жаловаться Себастьяну Крэббсу на действия соседского пса, испортившего её цветник. «И тогда я была вынуждена... надеюсь, вы понимаете меня... просто вынуждена сообщить об этом викарию, чтобы он вмешался и провёл беседу с этими невоспитанными Юмансами, которые и понятия не имеют о настоящих добрососедских...»

– Позволь мне прервать тебя, дорогая сестра, – Матиас Крэббс досадливо откашлялся, и тётушка Розмари, нашедшая в племяннике внимательного слушателя и радостно углубившаяся в описание своих запутанных отношений с соседями, с неудовольствием замолчала.

Крэббс выдержал небольшую паузу, обвёл взглядом присутствующих и, убедившись, что сумел привлечь внимание всех без исключения гостей, торжественно объявил:

– Я должен сообщить вам ещё кое-что. Часть капитала, принадлежащего мне, я в своё время выгодно вложил в драгоценные камни. Коллекцию большей частью составляют алмазы, но есть и несколько превосходных изумрудов и рубинов. Каждому из вас причитается часть этой коллекции. В картинах, которые вы получили от меня в дар, заключён секретный шифр, указывающий, где находится тайник.

Глава девятая, в которой никто в Гриффин-холле не может уснуть до самого утра

Заявление Матиаса Крэббса произвело небывалое действие. Все ошеломлённо смотрели на него, и было видно, что старый джентльмен наслаждается произведённым его словами эффектом.

Тётушка Розмари, которую потрясения этого длинного дня окончательно выбили из колеи, донимала Себастьяна Крэббса, цепко схватив его за локоть: «Что сказал Матиас? Что он сказал? Это какая-то шутка, да? Игра в поиски сокровища?»

В гулкой тишине её возбуждённый лепет стал первым камешком, после чего на Крэббса обрушилась лавина вопросов, но тут отчётливо прозвучал голос Айрис Белфорт.

– Шоколад готов, Ма-а-тиас, – протянула она чуть насмешливо, будто её саму забавляла нарочитая интимность этих слов.

Все, кроме Джереми Эштона, державшегося в стороне, неприязненно уставились на девушку, она же ловко притушила спиртовку и, обернув ручку медного чайника салфеткой, разлила по глиняным кружкам дымящуюся густую жидкость.

– Прекрасно! – Крэббс вернулся за стол и с воодушевлением предложил: – Может быть, кто-то ещё хочет присоединиться? Мы с Айрис привыкли по вечерам пить горячий шоколад со специями. Настоящий напиток богов! Для тех, кто понимает, конечно. Айрис привезла рецепт из Мексики, где провела месяц с археологической экспедицией. Такой же напиток много тысяч лет назад пили жрецы во время человеческих жертвоприношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Чиппи – небольшая закусочная, где подают традиционную жареную рыбу и картошку.

2

Великая война – так в Великобритании и Франции принято называть Первую мировую войну.

3

Корнуэльский пастис – крепкий алкогольный напиток на основе фенхеля, аниса и лакрицы.

4

Верблюды, файтеры – самолёты-истребители времён Первой мировой войны.

Фартинг – мелкая английская монета, равная одной четверти пенни.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brandish_sharlotta/drama-v-griffin-holle-ili-otravlennyu-uikend

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)